
Ольга
Березовская
Искра
для Книжника

Ольга Березовская

Искра для книжника

«Автор»
2026

Березовская О.

Искра для книжника / О. Березовская — «Автор», 2026

Говорят, что жалованье за спасение мира от нечисти просто так не дают. Нужна крепкая семья. А у ведуньи, которая и кашу без взрыва сварить не может, нет ни дома, ни мужа. Есть только ёж, что раньше поросёнком был, и мечта о своей лавке с зельями.У книжника Корнея, бледного зануды в треснутых очках, есть мечта о тайных архивах Приказа, но жены нет и в помине. У этих двоих было пять минут, чтобы решиться на брак понарошку ради выгоды. И целая жизнь, чтобы узнать: как «случайно» спасти мир от Кощея с помощью убежавшей репы; как подружиться с богом, живущим в старом лапте и, главное, что делать, если твой «фиктивный» муж вдруг станет больше, чем просто другом?

© Березовская О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 5
2 10
3 15
4 20
5 24
6 28
7 33
8 37
9 41
10 44
11 48
12 51
13 56
14 59
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Ольга Березовская
Искра для книжника

1

Корней сидел над древним свитком в книжной келье при монастыре. Келья та была не велика, но вместительна. Только своды каменные низковаты казались. Они нависали, словно небо над грешником. Вдоль стен шкафы дубовые расставлены. В шкафах тех свитки разные лежат. Много свитков: и в коже тисненной, и медью окованы, и такие есть, что вовсе прикрас, временем изрядно потрёпаны. В углу кельи лампада теплится пред образом Перуна Громовержца. Монахи-то нынче такие пошли, что и старых богов чтят, и новых не забывают. На всякий случай. Посреди кельи стоит стол дубовый, широченный, весь испещрённый письменами да помарками чернильными. На столе чего только нет – свитки, гусиные перья, чернильница в виде головы змеиной, да горшок глиняный с кашей, что остыла уже и дух издаёт кислый.

Корней губами шевелил, уткнувшись носом в пергамент, строки вбирал, как медведь мёд из борти. Свиток тот с названием дивным «Сказание о бытовых заклинаниях и о том, как репа растёт да урожай множится», писан волхвом Богданом лет триста назад, а то и боле. Корней уже в третий раз его перечитывал, на полях пометки делал: тут «неясно», тут «противоречит опыту», тут «надобно проверить на грядке».

Лет Корнею двадцать восемь всего-то. А поглядеть – так все сорок дать можно, ибо десять лет просидел он в келье сей, света белого не видя. Ликом бледен, телом тощ, словно былинка осенняя. На нём рубаха холщовая, длинная, вся в пятнах чернильных – где клякса, где потёк, где и вовсе дыра, заштопанная кое-как. На носу – очки диковинные, в медной оправе, да только стекло в них треснуло и берёстой перемотано. Трещина та три года назад случилась. У Корнея всё руки не доходили исправить – и так, мол, всё вижу. Волосы русые, давно не стрижены, в хвост собраны, да из хвоста того пряди выбились, в глаза лезут, щекочут.

Вдруг раздался скрип двери. Тяжёлый, протяжный, как стон. Кого там принесло?

На пороге показался брат Гермоген, монах-библиотекарь, лет шестидесяти, полный, краснолицый, в рясе масляными пятнами украшенной. В руках его – поднос с кувшином кваса да краюхой хлеба ржаного, посыпанного солью крупной. Дышал тяжело, кряхтел, ибо лестница в келью крута, а годы своё берут. Поставил поднос с грохотом.

– О-хо-хо! Опять, книжник, кашу не ел? Глянь-ка, остыла уже, закисла. Я её вчерашнюю псам отдал – те хоть поблагодарили, хвостами виляли. А ты? Ни спасибо, ни здравствуй – ничего от тебя не дождёшься! Опять всё в свитки свои уткнулся...

Корней не поднял головы, водил пальцем по строке.

– М-м? Каша? Оставь, Гермоген. Потом. Тут место прелюбопытное. Богдан пишет, что заговор на квас токмо при луне растущей силу имеет. А при убывающей – мол, вовсе не действует. Но почему не действует? Взял и не дописал, окаянный. Как же так можно – не дописать-то?

– Репа? Опять репа? Корней, сколько можно? – Гермоген заглянул через плечо и поморщился. – Десять годков ты здесь сидишь, репу эту изучаешь, заговоры на неё записываешь. Может, хватит? Выйди на свет Божий, на людей погляди. А то скоро сам в репу превратишься – такой же бледный да корявый.

Корней оживился, аж перо из рук выпало.

– Ты не разумеешь, Гермоген! Сие же не просто репа! Сие – ключ! Ключ к пониманию всей магии бытовой! Ежели постичь, отчего одни заговоры действуют, а иные – пшик, можно формулу вывести! Формулу чуда! Понимаешь?

Гермоген мелко перекрестился, зашептал.

– Формулу... чуда... Господи, прости. Не кощунство ли сие? Чудо оно от Бога, а не от репы.

Корней отмахнулся.

– Бог-то Бог, да и волхвы не зря старались. Я, брат Гермоген, не на Бога покушаюсь, а на разумение. Отчего в одном селе заговор на дождь сработал, а в другом – нет? Оттого, что в одном селе репу сажали по луне, а в другом – как Бог на душу положит!

Корней, увлёкшись, махнул рукой и задел чернильницу – ту самую, в виде змеиной головы. Чернила разлились по свитку, растеклись чёрной змеёй по строкам, пожрали буквы. Корней схватил тряпицу, попытался спасти текст, размазал ещё больше. Руки тряслись, лицо побледнело ещё пуще.

– Пропало... пропало! Три дня работы! Богдан, прости меня, окаянного!

Гермоген достал из рукава тряпицу, невозмутимо вытер.

– Вечно ты так, книжник. Сядешь в лужу – так по уши. Вот идиот, – Гермоген достал из рукава тряпицу и невозмутимо вытер свиток.

Корней смотрел на испорченный свиток, и вздыхал тяжко. Гермоген покачал головой, ушёл, бормоча: «Чудотворец. Формулу чуда вывел. А простую кашу согреть не может». Корней остался один, глядел в окно – узкое, стрельчатое, за которым синело небо весеннее, да слышался шум ярмарочный – далёкий, как сон.

Корней отложил испорченный свиток, протёр очки, глянул в окно. За монастырской стеной – гомон, ржание, крики торговцев. Он не был там десять лет. Десять лет – как вечность. А мир, поди, не изменился.

Вошёл купец Фома. Шумно, громко, как будто не один человек, а целая дружина в келью ввалилась. Фома – мужик лет сорока, пузатый, красномордый, в кафтане ярком, с медными пуговицами, что на солнце горят. В руках – свиток, на поясе – кошель туго набитый. Глаза масленые, плутоватые, но добрые. Купец, одним словом.

– Эй, книжник! Где тут у вас... А, вот ты! Сказывали мне, ты у них главный по свиткам. Мне надобен заговор на удачу в торговле. Конкуренты, ироды, совсем оборзели! Торговлю отбивают, цены сбивают. Будь они неладны! – купец огляделся и перекрестился на образ Перуна.

– Заговоры на торговлю – во втором шкафу, третья полка. Заговор на удачу – номер сто семь. Токмо учтите, добрый человек: действует он, ежели совесть чиста, - Корней, не поднимая головы, продолжил перебирать свитки.

– Чиста? А у кого она, чистая-то, в нашем-то деле? Ладно, возьму. Слушай, книжник, а чего ты тут сидишь, как сыч в дупле? Выйди на ярмарку, на людей погляди, воздухом весенним подыши. Такие новости нынче по Руси идут! – усмехнулся в бороду Фома.

– Какие новости? Опять Кощей набежал? Аль Змей Горыныч село спалил? – равнодушно спросил Корней, перебирая свитки дальше.

– Хуже, книжник! Горше! Царь-батюшка указ издал! Великий указ! Слышь-ка: объявляется конкурс на подмогу государеву! Ищут, понимаешь, спасателей мира! Кощея одолеть, нечисть разогнать, порядок навести! – Фома так всплеснул руками, аж пуговицы на кафтане зазвенели.

Корней впервые поднял голову. Очки сползли на нос, глаза смотрели на купца – большие, серые, давно не видевшие солнца.

– Спасателей? А много ль желающих?

– Тьма-тьмущая! Волхвы, ведуны, колдуны – все лезут, всем грант надобен. А жалование-то, слышь, какое: золотом одарят, ингредиентами снабдят, и – главное-то! – доступ дадут к архивам закрытым! К свиткам, что ещё со времён Ярослава Мудрого лежат нетронуты! – вдохновенно замахал руками Фома.

При слове «архивы» Корней уронил свиток, который держал в руках. Свиток развернулся, покатился по полу, а Корней даже не заметил. Он встал, медленно, словно после долгого сна, подошёл к купцу, схватил его за рукав кафтана – тот аж попятился.

– Какие архивы? – голос его дрожал, но был твёрд. – Те самые, что в Приказе Великих Книг? Куда простым магам хода нет? Где свитки волхвов древних лежат, за семью печатями?

Фома испуганно выдернул рукав.

– Ну да, те самые. А ты что тоже собрался? Ты ж книжник, тебе бы всё за столом сидеть, свитки перебирать. А туда – спасатели надобны, силачи, герои, а не...

Он осекся, увидев глаза Корнея. В них горел огонь. Десять лет он сидел в тиши, изучая чужие знания. А тут – доступ к тому, что никто не видел. Там – его диссертация, его жизнь, его бессмертие. По крайней мере, в науке.

– Архивы... закрытые архивы... – прошептал он.

Вошёл Гермоген с новым свитком, увидел Корнея, который стоял посреди кельи с горящими глазами, и купца, который пятился к двери.

– Что случилось? Кто кого напугал?

– Я иду в Приказ, Гермоген, – сказал Корней. – Я подаю заявку на жалование.

Гермоген поскорее выпроводил купца. Сунул ему свиток с заговором, взял монету, перекрестил вслед, закрыл дверь. А сам повернулся к Корнею. Тот уже стоял у вешалки, снимал с гвоздя свою «выходную» свитку – перекошенную, мятую, с засохшим пятном на рукаве. Ещё от прошлого раза, десять лет назад.

– Очумел, книжник? Ты ж десять лет из кельи носа не кажешь! Там люди, там шум, там ярмарка! А ты в очках треснутых, в свитке пятнистой! Тебя ж за чучело примут! – Гермоген мелко перекрестился.

– Я должен, Гермоген. Понимаешь? Архивы. Те самые. Если я туда не попаду, моя диссертация – прах. Вся моя жизнь – прах, - Корней запутался в рукавах, надевая свитку.

Гермоген тяжко вздохнул, помог распутать рукав.

– Ох, знаю я, знаю, что добром это не кончится. Всё ты, книжник, не в своём деле. Тебе бы сидеть, перьями скрипеть, а ты – на рожон лезешь. Ну иди. Токмо обрядись сначала. И очки протри. И волосы пригладь – ровно воронье гнездо на голове.

Корней протёр очки. Стекло треснуто, но по-другому он не видел. Треснутое стекло – как треснутая жизнь, но он привык. Гермоген попытался пригладить ему волосы мокрой ладонью – они снова встали торчком.

– Держись, книжник. И помни: ежели что – беги назад. Здесь твоё место. Здесь тихо, здесь свитки, здесь я... А там... там люди. Опасные. И главное – не забудь: на жалование семейных токмо берут! Слышишь? Семейные! А ты, нешто, семейный? Как же ты... – вздыхал Гермоген, провожая его к двери.

Корней остановился на пороге.

– Семейные? – лицо его стало задумчивым.

– Ну да. Указ такой. Без семьи – ни-ни. Так что, может, и не ходить?

– Пойду. А там – видно будет.

Монастырские ворота – дубовые, окованные железом, тяжёлые. Корней с трудом отворил их и вышел. Он зажмурился от солнца. За воротами – мир. Гомон, крики, смех, ржание, мычание, скрип телег. И запахи – свежего хлеба, конского навоза, дыма, жареного мяса, кваса, мёда. Всё это обрушилось на него, как лавина.

«Изыде Корней из врат обители, – подумал он, – и ударил его свет солнечный по очам, яко мечом. И помрачился разум его от шума мирского, ибо десять лет не ведал он ничего, окромя шелеста пергаментного да скрипа перьев. И молвил он себе: "Господи, зачем я здесь? Зачем оставил тишину сию? Ах, архивы, архивы... Ради вас иду на муку сию"».

Корней споткнулся о порог – высокий, каменный, сбитый ногами многих поколений. Упал на колени, свитки из-за пазухи полетели в грязь. Проходящие бабы захихикали, зашептались, показывали пальцами. Корней покраснел, собрал свитки, поправил очки. Встал. Посмотрел на свою тень – длинную, тощую, с торчащими волосами. «Пугало огородное, – подумал он. – Вот я кто». Прохожий мальчишка с корзиной яиц задел его, пробежал дальше. Корней не упал – чудом удержался.

Всё же он дошёл до Приказа Великих Книг. Это было здание в три этажа, с колоннами белокаменными. Над входом – вывеска: «Казённый Приказ Чудес и Угля». Над вывеской – образ Перуна Громовержца в полный рост: грозный, в доспехах, с молнией в руке. Глаза сверкающие так искусно выписаны, что казалось следят они за каждым входящим.

Внутри – длинная очередь. Маги, волхвы, колдуны, ведуньи, авантюристы, просто мужики с топорами, которые уверены, что «топором нечисть тоже можно». Кто в медвежьей шкуре, кто в кафтане расшитом, кто в лаптях дырявых. Кто-то молился, кто-то шептал заклинания, кто-то ругался.

В углу – дьяк за столом, заваленным берестяными грамотами. Дьяку лет под пятьдесят, лицо скучное, глаза уставшие, веки тяжёлые. Перед ним – кружка кваса, надкусанный калач, куча перьев. Он принимал заявки, не глядя на просителей, бубнил одно и то же: «Следующий! Имя? Цель? Семейное положение? Грамоту сюда».

Корней оглядел конкурентов. Волхв в медвежьей шкуре – мощный, бородатый, сверкает глазами. Молодая ведьма с котом на плече – кокетливая, с заговорённой косой. Двое парней в разбойничьих шапках – видать, решили, что «спасать мир» легче, чем на большой дороге грабить. Корней чувствовал себя лишним. Овцой среди волков. Книжным червём среди воинов. Настал его черёд подходить к дьяку.

– Следующий! – не поднимая глаз, проговорил дьяк. – Имя? Цель? Семейное положение?

– Корней Шелест, книжник из монастыря... Цель – получить подмогу на исследование бытовой магии... Семейное положение... холост.

Дьяк поднял голову, оглядел Корнея с ног до головы, усмехнулся.

– Холост? Оно и немудрено, с такими-то данными? – он кивнул на перекошенную свитку, треснутые очки, торчащие волосы. – Ладно, не моё дело. Заполняй грамоту. Следующий!

Корней взял гусиное перо, обмакнул в чернильницу. Рука дрожала. Он написал: «Корней Шелест, лет двадцати осьми...» – помарка, перечеркнул. Рядом с его грамотой лежал калач дьяка. Дьяк, отвлёкшись на следующего просителя, смахнул калач локтем. Калач упал прямо на грамоту Корнея, оставив жирное пятно. Корней вздохнул, перевернул грамоту чистой стороной, начал заново.

– Готово? – сквозь зубы спросил дьяк. – Давай сюда. Жди. Три дня – ответ. Ежели одобрят – пришлют грамоту. Ежели нет... ну, сам понимаешь.

– Благодарствую, – поклонился Корней.

Корней вышел из Приказа. Солнце клонилось к закату, окрашивая облака в багрянец и золото. Людей на улице стало меньше, ярмарка стихала.

«И возвратился Корней к вратам обители, – подумал он, – и была душа его полна смятения и надежды. "Что я сотворил? – думал он. – Я, книжный червь, никогда не знавший битв, не ведавший походов, я подал заявку на спасение мира? Глупость сия... Но архивы! О, архивы! Ради вас пойду на дно морское, в огонь горящий, в толпу людскую"».

Корней уже почти дошёл до монастырских ворот, как вдруг услышал за спиной топот. Оглянулся. Прямо на него, разбрызгивая грязь из-под копыт, нёсся всадник в казённом кафтане. Конь храпел, взмыленный, всадник кричал:

– Эй, книжник! Ты – Корней Шелест?

Корней прижал грамоту к груди.

– Я... я...

– Приказ передумал! – всадник спрыгнул с коня, выхватил из-за пазухи свиток, сунул Корнею в руки. – Условие новое! Для холостых жалования не будет! А для семейных – будет! Понял? Семейные токмо! А ты – холост! Не видать тебе жалования!

Гонец вскочил в седло, унёсся прочь, оставив Корнея стоять посреди дороги со свитком в руке. Он развернул свиток дрожащими руками. Там, крупными буквами, было выведено:

«ВНИМАНИЕ! НА ЖАЛОВАНИЕ МОГУТ РАССЧИТЫВАТЬ ТОКМО СЕМЕЙНЫЕ. НЕЖЕНАТЫХ И НЕЗАМУЖНИХ – НЕ РАССМАТРИВАТЬ».

Он смотрел на свиток, на свои руки, на пустую дорогу, на монастырские ворота, которые уже закрывались на ночь.

– Семейные... – прошептал он. – А где ж мне взять жену? Не из свитка же вынуть?

Он стоял посреди дороги, один, в сумерках, с грамотой в руках и треснутыми очками на носу. А над ним – звёзды зажигались одна за другой, и где-то вдалеке слышался смех – чей-то весёлый, девичий, словно насмешка над его горем.

И стоял Корней, книжник, на распутье, и не знал, куда идти. Назад – в келью, где тишина и свитки? Или вперёд – в мир, где для жалованья нужна жена? А у него нет ни жены, ни надежды, окромя той, что сама судьба пошлёт. А судьба, она – хитрая. И посылает всегда то, чего и не ждёшь.

2

Солнце только-только краешком выглянуло из-за леса, облака румянцем облило, а роса на траве ещё обсохнуть не успела, а ярмарка уже просыпалась. Чей-то воз скрипел, кто-то лошадь бранил, а кто-то прилавок сколачивал. Пахло свежим хлебом, конским потом, дымком от первых костров. Купцы торопились – квасом из бочек к себе народ зазывали. В конце ярмарочной площади, у самой околицы, стоял прилавок Меланьин. Старый, скособоченный, накрытый старенькой скатертью. На том прилавке были расставлены в ряд пузырьки, склянки, горшочки глиняные.

Сама Меланья – девка молодая, лет двадцати с лишним от роду. Румяная, веснушчатая. Волосы – что лён, да с рыжинкой, пряди непокорные, вьются вокруг лица, щекочут. Глаза зелёные, живые, что у лесной кошки. На ней сарафан яркий, с вышивкой, на поясе – связка пузырьков, мешочек с травами да гребень заговорённый. Невысокая, ладная, да вся в движении: тут поправит, там подотрёт, там пошепчет.

Малаша пузырьки свои расставляла. Да каждому своё место указывала. А ещё тихонько с ними разговаривала, словно с малыми детьми:

– Ну ты, зелёненький, сиди смирно, не пенься. А ты, красненький, обещал не стрелять. Мы ж с тобой уговаривались, касатик? Хорошие мои, послушные...

А один пузырёк, с оранжевым зельем, уже зашевелился, забулькал, заискрился. Малаша его тряпицей накрыла, прижала пальцем:

– Тихо, тихо! Не время ещё. Вот народ подойдёт – тогда и покажешь себя.

Рядом с прилавком её стоит клетка пустая. Для поросёнка. Только нету его. Потому как вчерась Малаша зелье новое варила. «Обрати вспять» называется. Хотела лягушку в царевну превратить – для опыта, для науки. Но лягушки под рукой не оказалось, а поросёнок подвернулся... Теперь бегает где-то ёжиком колючим, фыркает. Малаша вздыхает, гладит пустую клетку:

– Ничего, Фырка, вернёшься. Я тебя вылечу. Вот только зелье доведу до ума.

Стоит Малаша на заре, на ярмарке, пузырьки свои расставляет, солнышку улыбается. И чудится ей: сегодня – день удачный. Всё получится. Не зря бабка-ведунья наставляла: «Коли с добрым сердцем зелье варишь – оно тебе добром и отзовётся». А у Малаши сердце доброе, ох какое доброе...

Подошла к прилавку старушка. Маленькая, сутулая, в тёмном платке, на клюку опирается. Долго смотрела на пузырьки, нюхала, морщила нос.

– Здравствуй, бабушка! Чего душа желает? Зелья у меня от всякой хвори: от головной, от ломотной, от бессонницы, от тоски-кручинушки... – кинулась к ней Малаша.

– А это что? Зелёненькое?

– То, бабушка, от тоски. Капнешь ложечку на язык – и полегчает, словно камень с души свалится.

– Ох, девонька, тоска у меня великая. Муж помер, дети разъехались по городам, внуков не вижу. Дай-ка зелёненького. Авось полегчает, - старушка вздохнула тяжко, аж плечи опустила.

Малаша налила зелья в глиняную чашку, подала ей. Та выпила. Сначала – ничего. Потом вздохнула. Потом улыбнулась. А потом как вскочила, клюку в сторону отбросила. Да как запела частушку про соседа, что «ходил-гулял, мою козу обижал». Голос у старушки – сиплый, скрипучий, но весёлый. Народ вокруг собирается, кто смеётся, кто хлопает. А она, воодушевившись, пустилась в пляс. Мужики свистят, бабы хохочут.

Тут подошёл торговец рыбой – мужик здоровенный.

– Это что за бесчинство?! Ты чего, девка, бабку опоила? А ну прекрати! – пригрозил он кулачищами.

– Так она ж веселится! Ей же хорошо! – Малаша только растерянно замахала руками.

– Хорошо-о-о! Ох, хорошо-о-о! Как в молодости! Девка, налей ещё! – старушка закричала на всю площадь, не переставая плясать

– Ещё?! Да я твой прилавок сейчас переверну! – заорал торговец.

– Не смей! Она сама выпила, а не насильно! – Малаша загородила пузырьки.

Тут подоспели две соседки, подхватили старушки под руки, повели прочь.

– Ещё раз такое увижу – воеводе пожалуюсь! Заберут тебя, колдунью, в Приказ! – пригрозил торговец рыбой.

– Какая ж я колдунья? Я ведунья. По наследству. Бабка моя знаменитая была... – Малаша обиженно поджала губы.

– Бабка-то может и была, а ты – поганка!

Малаша вздохнула, спрятала зелье под прилавок, покраснела до корней волос.

Тут подкатила к прилавку повозка расписная. Из неё вывалился купец – дородный, в кафтане парчовом, борода лопатой, глаза масленые. За ним служка несёт клетку с петухом. Петух – огромадный, красный, гребень огнём горит, глаза злющие. Купец жалуется:

– Слышь, ведунья, говорят, у тебя зелье есть, чтоб голос вернуть? Петух мой – три года полгорода будил своим пением. А нынче замолчал. Ни кукареку тебе, ни кудах-тах-тах. Жена грозится его в суп пустить. Выручай!

Малаша оживилась, заулыбалась.

– Есть, есть, касатик! Вот, красненькое. Зелье «Голос Ярилин». Капнешь на гребешок – запоёт, что соловей, что жаворонок! – оживилась Малаша.

– А не опасно?

– Что вы! Я на своём коте пробовала. Три дня потом разговаривал. Стихи даже сочинял.

Правда: кот после того три дня требовал сметану человеческим голосом. Да жаловался на жизнь. Но это ж не опасно совсем, и купцу знать необязательно. Малаша капнула зелье на петушиный гребень. Петух сначала замер. Потом открыл клюв. И запел. Но не «кукареку».

А запел он голосом человеческим, баритоном густым:

– Ой, мороз, мороз! Не морозь меня!..

Купец аж сел. Петух продолжал:

– А я в Питере была, там такие мужики... Ой, была я в Питере, на Невском проспекте...

Народ валит со всей ярмарки. Кто хохочет, кто удивляется, кто крестится. Петух, воодушевившись, заводит на публику:

– А купчиха наша, Марья Степановна, с калёным Степаном...

– Это что за пакость?! Ты чего, девка, моего петуха испортила?! Он теперь про всех частушки петь будет! Позор на мою голову! – побагровел купец и схватил клетку.

– Так вы ж просили, чтоб пел! Он и поёт!

– Да не такое! И не про мою жену!

Купец швырнул Малаше горсть монет и унёс клетку. Петух, удаляясь, продолжал орать:

– Свободу попугаям! Свободу канарейкам! Свободу всем пернатым!

Купец споткнулся о камень и клетку из рук выпустил. Довольный петух вылетел и уселся на крышу повозки. Народ валом повалил на петушиный концерт. А Малаша со стыда закрывает лицо руками.

Пока народ слушал петуха, подошёл к прилавку Демьян – торговец кожей, парень молодой, ухмылистый, глаза плутоватые. Он уж не раз у Малаши зелья покупал: то приворотное, то отворотное, то «любовное томление». Ни разу не подействовало, потому как он вместо кваса в самогон капал.

– Ну что, колдунья, есть чего покрепче? Чтоб уж наверняка?

– А тебе зачем? – насторожилась Малаша.

– Да Любава-красавица всё нос воротит. А я ей и так, и этак... Дай, говорят, у тебя зелье есть «Сердечное томление».

– Есть. Только оно сильное. Капнешь в квас – полюбит. Но если не искренне, то...

– Что «то»?

– Может, корова причудится. Или конь. Или... баран. Баран, Демьян, это тебе не шутка. Он потом ходит за тобой, блеет, любовь свою объясняет. Не надо, Демьян, не бери, - Малаша понизила голос до шёпота.

Да только Демьян не послушал. Схватил пузырёк, кинул монету и убёг.

– Демьян, погоди! Не капай в самогон! Только в квас! И чтоб сердце чистое было! Демьян!.. – крикнула Малаша ему вслед.

И тут из-под прилавка, из пустой клетки, вылез ёж. Маленький, колючий, фыркает. И шасть под ноги торговцу рыбой. Тот так подпрыгнул, что рыба из корзины во все стороны полетела. Ёж метнулся к торговке пирогами. Та ахнула и пироги рассыпались. Ёж с перепугу в ноги толпе кинулся. И что началось… Народ в разные стороны разбежался, бабы завизжали, мужики заматерились.

– Гляньте! У неё ёж из-под стола вылез! Сам собой! Колдовство! – крикнул мальчишка, что на заборе сидел.

– Это не ёж! Это мой помощник! Фырка! Он учёный! Он зелья пробует! – Малаша объяснялась и пыталась поймать беглеца.

Ёж уворачивался, бегал между ног, пугал народ. Наконец Малаша накрыла его сарафаном, схватила и сунула за пазуху. Ёж там фыркает, шевелится, щекочет.

– Вон отсюда, колдунья! Вон! Со своим зельем! Со своим ежом! Со своими петухами! Вон! – заорал перепачканый рыбьей чешуёй торговец.

Крик, гам, суматоха. Петух на крыше продолжал орать частушки. Ёж под сарафаном фыркал. Бабка плясала где-то на задворках. Купец с петухом грозился судом. Демьян убежал с зельем. Народ смеялся и ругался одновременно.

И тут, откуда ни возьмись, пристав появился. Здоровенный мужик с дубиной, в казённом кафтане, красномордый, злой. Протолкался сквозь толпу, встал перед Малашей, руки в боки.

– Это кто тут бесчинствует?! Кто людей портит?! Кто покой на торжище нарушает?! А, это ты, ведунья! Я тебя предупреждал!

– Я не специально, дяденька пристав! Это всё случайно! Петух сам запел, бабка сама заплясала, ёж сам вылез...

– Случайно? А прошлый раз у тебя баба голосом мужика заговорила! А позапрошлый – коза стихи стала читать! А месяц назад после твоего зелья все лапти в пляс пошли!

– Ну лапти же танцевали... красиво... – Малаша виновато опустила глаза.

– Вон отсюда! Вон с ярмарки! Чтоб духу твоего здесь не было!

Пристав схватил прилавок и перевернул его. Пузырьки полетели на землю и разбились. Зелья смешались в одну разноцветную лужу – зелёные, красные, синие, жёлтые. Из лужи поднялся странный дым. Запахло мятой, дёгтем, мёдом, чесноком и чем-то сладким. Народ закашлялся. У кого-то волосы встали дыбом. Кто-то захохотал без причины. Кто-то заплакал. Кто-то кинулся обниматься с незнакомыми.

– Убирайся, говорю! Не то в Приказ заберу! К самому Перуну на допрос! – пристав замахнулся на девицу дубиной.

Малаша собрала пару уцелевших пузырьков, сунула их в котомку. Её вещи – узел с одеждой, мешок с травами, ступку медную – кто-то бросил вслед. Она отошла, оглядываясь. Прилавок перевёрнут, зелья растеклись, народ стал расходится.

Долго так стояла Малаша на краю ярмарки. Котомка за плечами, ёж за пазухой, пустая клетка в руках. Глаза на мокром месте, но плакать не плакала – крепилась.

Шла после Малаша околицей, котомку сжимала да губу кусала. Ёж за пазухой фыркал и шевелился.

– И чего ты вылез? Сидел бы себе в клетке, тихо... Теперь вот что делать? Ни лавки, ни поросёнка нормального...

Ёж фыркнул громче и рассердился.

– Ладно, не ругайся, Фырка. Сам виновата. Надо было тебя с утра кашей накормить, вот ты и вылез. А теперь... – вздохнула Малаша.

Подошла она к дому, где на постой остановилась. А дом – избёнка убогая на краю деревни, крыша соломенная, забор покосившийся. На крыльце стоит сама хозяйка Ульяна – баба лет пятидесяти, злая, руки в боки, губы поджаты, глаза – как щёлочки. Рядом – два сына, дюжие, плечистые, стоят, руки скрестили.

– А, вернулась, горе-ведунья! – закричала Ульяна с порога. – А ну забирай свои пожитки и проваливай!

– Ульяна, что случилось? Я же заплатила за месяц вперёд!

– Заплатила! А кто мне поросёнка испортил?! Был поросёнок, кормилец, – стал ёж колючий! Кому я такого продам?!

– Так я ж говорила: это временно! Он через неделю обратно превратится! Я зелье доварю, и...

– Неделю его кормить зазря?! – заорала Ульяна. – А ну пошла вон, пока цела!

– Ульяна, на дворе весна, но ночи холодные! Куда я пойду?

– А мне какое дело? Вон, в стогу у Еремея переночуешь. Или в лесу с лешими. Ты ж колдунья, тебе и там хорошо будет!

Сыновья Ульяны вынесли Малашины вещи – узел с одеждой, мешок с травами, ступку медную, пару горшков глиняных. Бросили всё на землю. Малаша пыталась что-то сказать, но Ульяна захлопнула дверь. Только и слышно было, как засов кладут.

Стала Малаша посреди двора, посмотрела на закрытую дверь. В руках – пустая клетка, за пазухой – ёж-поросёнок. Она погладила ежа через сарафан.

– Ничего, Фырка. Прорвёмся. Мы ж с тобой сильные, правда? Бабка говорила: «Ведунью беда не ломает, а только закаляет». Вот мы и закалимся. А там, глядишь, и лавку новую откроем. И зелья у нас хорошие будут. И все будут здоровы и счастливы...

Ёж фыркнул в ответ, словно согласился.

Ночь спустилась на землю, звёзды высыпали – мелкие, частые, будто рассыпал кто. Месяц молодой, серповидный, светит слабо. В стогу тепло, сено пахнет летом, хоть весна ещё. Малаша устроилась в стогу, накрылась тулупом, единственной тёплой вещью. Ёж свернулся клубочком рядом.

«Вот и всё, – думала Малаша. – Ярмарку провалила, дом потеряла. И за что? Ну подумаешь, бабка сплясала – и чудно, и славно! Ну подумаешь, петух запел не по-куриному – зато как задушевно! Ну подумаешь, ёж вылез – он же маленький, не со зла. Всем весело было, а они – ругаются. В Приказ грозятся, с ярмарки гонят, из избы выкидывают...»

Малаша тихо, в небо, прошептала:

– Бабуля, ты там, на небесах, меня слышишь? Ну почему у меня всё не как у людей? Почему зелья не лечат, а веселят? Почему петухи поют не туда, куда надо? Почему я не могу быть как все? Сидеть бы мне дома, кашу варить да детей нянчить... А я? Зелья, травы, пузырьки... И никому это не надо.

Задремала Малаша. И снится ей сон. Будто стоит она в лавке своей. только лавка та невиданная – прилавки ломятся от пузырьков, полки до потолка заставлены скляницами. А в углу – печь. На печи – котёл с зельем. И зелье то не пенится, не стреляет, а тихо дымится, благоухает. И народ идёт к ней – идут и идут, кланяются, благодарят: «Спасибо, Меланья-световна, вылечила! Спасибо, родная, помогла!»

А рядом с ней стоит мужик какой-то чудной. Тощий, в очках треснутых, в рубахе чернильной, и в свиток записывает, записывает, всё её рецепты переписывает. И улыбается, и говорит: «Гениально, Меланья! Гениально! Это ж открытие! Это ж переворот в бытовой магии!» А Малаше тепло, и хорошо, и смешно... Она хочет спросить у него, кто он, откуда, но сон тает, как утренний туман.

Проснулась Малаша. Никого нет. Только звёзды над головой да месяц молодой. Но вдруг вдалеке, со стороны деревни, голоса послышались.

– Слышь, Ермолай, а правду бают, что в Приказе жалованье раздают? На спасение мира?

– Правду, правду. Царь-батюшка указ издал. Кто Кощея одолеет али нечисть разгонит – тому и золото, и архивы закрытые, и...

– И что? Много желающих?

– Тьма! Волхвы, ведуны, колдуны – все лезут. Только, говорят, условие есть: семейные токмо. Семья, понимаешь, крепкая. А холостым – ни-ни.

Мужики прошли мимо, голоса их стихли.

– Жалованье... – прошептала она. – Спасение мира... Архивы... А главное – семейные! Семейные!

Она посмотрела на ежа, на звёзды, на пустую дорогу.

– Фырка! Ты слышал? Жалованье! Семейным дают! А я... я же одна! Ни мужа, ни жениха, ни даже поросёнка нормального!

Ёж фыркнул, словно сказал: «Ну и что?»

– А то! Мне это жалованье нужно! Лавка нужна! Дом нужен! И... – она запнулась, вспоминая сон, – и может, и книжник тот, из сна, пригодится. Может, судьба это. Бабка говорила: судьба, она хитрая. Посылает то, что не ждёшь.

Она встала, отряхнула сено, решительно сжала кулак.

– Всё. Решено. Иду в Приказ. Чем я не спасатель? Зелья мои – пусть кривые, но работают. И петуха я вылечила – поёт теперь, правда, неправильно, но красиво же. И бабка пляшет теперь, как молодая. И ёжик мой – живой, здоровый. Значит, есть во мне сила.

Малаша взяла котомку, сунула ежа за пазуху, посмотрела на восток, где уже занималась заря.

– А если без мужа нельзя – найдётся муж. Вон их, мужиков-то, сколько. Хоть книжника какого пришлого возьму. Лишь бы жалованье дали. Лишь бы лавку открыть. Лишь бы...

В голове у неё – тот самый сон. Тощий книжник в треснутых очках, который записывает её рецепты и улыбается. И говорит: «Гениально, Меланья!»

– Судьба, значит, – тихо сказала она сама себе. – Что ж, судьба, я готова. Хоть книжника, хоть лешего – лишь бы крыша над головой была. И лавка. И чтобы зелья не взрывались. А ещё... чтобы кто-то был рядом. Кто не будет ругаться, когда я что-то взорву. А будет... будет записывать. Как тот книжник во сне.

И пошла Меланья Искра, ведунья-самоучка, по дороге в стольный град, где жалованье раздают, где судьбы решают, где, может быть, ждёт её тот самый – книжник из сна. Шла она и не знала, что судьба уже свела её с ним, что нити их сплелись в тугой узел. Что завтра, в Приказе Великих Книг, она встретит того, кто изменит её жизнь навсегда. А пока – только звёзды над головой, ёж за пазухой да надежда в сердце. И это всё, что ей нужно.

3

И снова подошёл Корней ко вратам Приказа. Шёл он от обители своей пешим ходом долго. Через всю ярмарочную площадь, что вчера шумела, прошёл. Нынче же площадь стихла. Только лавки закрытые стояли да мусор после ярмарки валялся – обрывки лент, скорлупа яичная, солома примятая. Но Корнею не до беспорядку было. Мысли его витали в архивах закрытых, в свитках древних, что ждали его там, за печатями.

И думал Корней: «Вот он, Приказ, – врата в знание, врата в архивы. Сегодня – грамота, завтра – жалованье, а там и до свитков рукой подать. Токмо о чём вчера гонец говорил? Семейные? Но откуда же мне, книжнику, взять жену? Не из свитка же вынуть?» Усмехнулся Корней горько: нет у него жены, нет и не предвидится. А без того – ни жалованья, ни архивов.

Он остановился у входа, переминаясь с ноги на ногу. В руках его была грамота – та самая, что он заполнил в прошлый раз. Но теперь он знал: без семьи её даже принимать не станут. Какой смысл соваться? Только время терять да насмешки собирать.

«А может, и не ходить? – подумал Корней. – Вернуться в келью, к свиткам, к тишине. Там хоть никто не спросит, семейный ты или нет. Там – одна правда. Правда знания».

Но ноги сами несли его вперёд. К очереди. К надежде, которая, казалось, не имела никакого смысла. «Глупость, – сказал он себе. – Всё это глупость. Я – книжник. Моё дело – свитки, а не жёны. И не жалование. И не спасение мира. Зачем я здесь?»

Он уже почти повернул назад, когда вспомнил: архивы. Те самые, закрытые. Свитки, которых никто не читал сотни лет. Знания, спрятанные от всех. Ради них он и пришёл. Ради них он готов был на всё. Даже на обман. Даже на фиктивную жену. «Но где ж её взять? – с тоской подумал он. – Не на ярмарке же, в самом деле?»

Вот так Корней снова пришёл за жалованьем. Без жены, но со свитками-грамотами своими. Самыми важными, самыми ценными. Чтоб показать всем для чего ему жалованье надобно. Исключительно науки ради, а не для забавы. Глядишь, в приказе проникнутся и не станут требовать жены от него.

Корней поправил очки, одёрнул перекошенную свитку, вздохнул и вошёл в двери Приказа. В нос ему ударил всё тот же запах казённый – чернила, сургуч, кислый квас. Он остановился у порога, привыкая к полумраку.

Внутри было тесно от народа. Очередь тянулась от двери до самого стола дьяка – человек двадцать, не меньше. Корней встал в конец, теребя в руках склеенную свитки. Он так и не решился их разделить – береста распухла от кваса, буквы расплылись, и казалось, что они, эти две судьбы, намертво срослись в одну.

Богатырь в медвежьей шкуре, стоявший впереди, оглянулся на него, хмыкнул.

– Книжник, что ли? – спросил он, и в голосе его слышалась усмешка. – Тоже за жалованьем? А где ж твоя дружина? Где меч? Где сила?

– Моя сила здесь, в свитках, – тихо ответил Корней, не поднимая глаз.

– В свитках? – рассмеялся воин. – Ну-ну. Посмотрим, как ты с Кощеем свитками воевать будешь.

Корней промолчал. Он думал об архивах. О свитках, что лежали нетронутыми сотни лет. О знаниях, которые ждали только его. Ради этого он терпел насмешки. Ради этого он пришёл сюда. Ради этого он готов был на всё.

Очередь продвигалась очень медленно. Корней переминался с ноги на ногу, то и дело поправлял очки. Мысли его путались. А вдруг и в этот раз не примут грамоту? А вдруг скажут, что он не подходит? А вдруг.... Он не успел додумать. Очередь почти дошла до него. Осталось всего два человека. Потом – один. Потом – он.

А Малаша подошла к Приказу с другой стороны – от околицы, где ночевала в стогу. Шла она не спеша, ёж за пазухой посапывал, котомка за плечами болталась. Ноги её сами несли. Вот получит она жалованье, а там, глядишь, и лавку новую откроет, и зелья до ума доведёт, и поросёнка из ежа обратно превратит.

Перед входом в Приказ Малаша остановилась и огляделась вокруг. Тут она ещё не бывала. Красиво-то как! Малаша вытащила из-за пазухи ежа, посадила на крыльцо, строго сказала:

– Сиди здесь, Фырка. В Приказ с тобой нельзя! Начнёшь там бегать, всех распугаешь, как на ярмарке. Я скоро вернусь.

Ёж фыркнул, свернулся клубочком у двери. Малаша пригладила волосы, одёрнула сарафан и шагнула внутрь.

Внутри было темно и людно. Малаша встала в конец, рядом с тощим мужиком в лаптях, который что-то бормотал себе под нос. Она огляделась. Воины в медвежьих шкурах, ведуньи с котомками, мужики с топорами. Все хотят жалования. Все хотят спасать мир. А она? Она просто хотела лавку. И чтобы зелья не взрывались. И чтобы было где жить.

Очередь медленно двигалась. Малаша переминалась с ноги на ногу. Очередь потихонечку двигалась. И тут – бац! Толчок сзади, и она налетела на кого-то со всей силы.

Корней, задумавшись не заметил, как сзади на него налетели. Охнули оба. Свитки из-за пазухи Корнея полетели на пол, котомка Малашина раскрылась, травы посыпались. А тут ещё бадейка с квасом, что дьяк выставил для просителей, стояла у самого входа, и кто-то из просителей, от неожиданности, пнул её ногой.

Квас разлился по каменному полу – жёлтый, пенный, кислый. Грамоты Корнея в луже. Травы Малашины – в луже. Уцелевшие пузырьки с зельем – тоже там.

– Что вы наделали?! – Корней в ужасе ползал на четвереньках, собирая мокрые листы. – Там же мои труды! Несколько лет работы! Свиток о свойствах репы, о бытовой магии, смета, челобитная!

– Я нечаянно! – Малаша тоже ползала рядом, пытаясь помочь. – Я не видела вас, вы как из стены выросли! Давайте соберу!

– Не надо! Вы только хуже сделаете!

– Ах, какой вы зануда! Я же помочь хочу!

Они одновременно потянулись к одной грамоте, столкнулись головами. Корней потерял очки, Малаша поскользнулась и упала. Ухватилась за рукав его свитки, и та треснула по шву. Вокруг них собирались просители, кто-то смеялся, кто-то качал головой. Дьяк оторвался от своих бумаг, посмотрел на них усталым взглядом.

А тем временем просительные грамоты Корнея и Малаши, пропитанные квасом, превратились в единый свиток. Корней поднял его, всмотрелся в буквы. Попытался отделить тот клочок бересты, где каракулями было выведено: «Меланья Искра, ведунья, желаю подмогу на зелейную лавку». Но ничего у него не вышло. Буквы расплылись, слова смешались. Одна грамота получилась, а на ней – сразу две судьбы.

– Смотрите, что вы наделали! – Корней тряс склеенной берестой. – Моя грамота погибла!

– И моя... – Малаша виновато опустила глаза. – Теперь что? Заново писать? А у меня и бересты нет запасной...

Они стояли посреди лужи кваса, мокрые, злые, растерянные. Очередь гудела. Дьяк смотрел на них, и глаз его дёргался всё сильнее.

– Следующие! – рявкнул он. – Живо!

Корней и Малаша, оба мокрые, оба расстроенные, подошли к столу дьяка. Тот поднял глаза, увидел их – перекошенную свитку Корнея, растрёпанные волосы Малаши, квасные пятна на одежде. Вздохнул. У него уже дёргался глаз. Третий день с рассвета до заката без продыху. Третий день, а толпа просителей не уменьшается. Третий день он задаёт один и тот же вопрос.

– Следующие. Имена? Цели? Семейное положение?

– Корней Шелест, книжник... – голос Корнея дрожал. – Цель – получить жалованье на исследование бытовой магии... Семейное положение... холост.

– Меланья Искра, ведунья... – Малаша старалась говорить твёрдо, но голос подвёл. – Цель – жалованье на открытие зелейной лавки. Семейное положение... незамужняя.

Дьяк посмотрел на них, потом на склеенную грамоту, которую Корней всё ещё сжимал в руках.

– А это что такое? Одна грамота на двоих?

– Так вышло случайно... – Корней покраснел. – Квас...

– Я нечаянно налетела... – добавила Малаша.

Дьяк взял грамоту, повертел в руках. Буквы расплылись, но кое-что прочитать было можно. Он прищурился, шевеля губами.

– Тут написано: «Корней и Меланья... семейные... просят жалованье... на бытовую магию и зелейную лавку». Давайте решайте, семейные вы аль нет? А я пока хоть калач съем. С утра во рту маковой росинки не было.

Корней было открыл рот, чтобы возразить, но Малаша больно толкнула его локтем.

– Молчи! – прошипела она.

– Что?! – так же шёпотом ответил он.

– Семейным жалованье дают! А холостым – нет! Ты хочешь его получить?

– Хочу, но...

– Я тоже хочу. Давай, книжник, не умничай. Времени у нас – пять минут, пока дьяк калач жуёт.

Корней посмотрел на неё. На незнакомую рыжую девицу. Растрёпанную, мокрую, с горящими зелёными глазами. Потом – на грамоту. Потом вспомнил архивы, свитки, диссертацию, ради которой десять лет сидел в монастырской библиотеке.

Дьяк отвернулся – калач у него упал на пол, он нагнулся поднять, а заодно и квас из кружки хлебнул. Пока его не было видно, Корней и Малаша зашептались.

– Слушай сюда, книжник, – быстро заговорила Малаша. – Я – ведунья, ты – маг. Мы оба без подмоги – никто. С подмогой – у меня лавка, у тебя архивы. Давай поженимся. Понарошку. На время. А там – разбежимся.

– Но это же... это же обман! – Корней схватился за голову.

– А ты честно подмогу получишь? Холостым?

– Нет...

– Так чего ломаешься? Решайся, дьяк сейчас вернётся!

Корней глянул на дьяка. Тот всё ещё возился с калачом. Потом на Малашу. Потом на грамоту.

– Давай, – выдохнул он. – Но только понарошку. И договор напишем. И всё по правилам.

– Ох ты, зануда... Ладно, давай договор, - усмехнулась Малаша.

Они отыскали чистый и сухой клочок бересты. Корней, дрожащей рукой, накарябал:

«Мы, нижеподписавшиеся, Корней Шелест и Меланья Искра, вступаем в брак понарошку сроком на год для получения жалованья. По окончании – разводимся. Обязательства: жить вместе, вести хозяйство сообща, не мешать научной и зельеварной деятельности друг друга».

Малаша глянула, усмехнулась, добавила:

– И не ворчать друг на друга без повода.

Корней хотел возразить, но Малаша уже кусала палец.

– Давай, книжник. Кровью скрепим.

– Я не могу! Я крови боюсь!

– Зануда... Тогда чихни. Тоже сойдёт.

Корней чихнул. Капля упала на бересту. Малаша капнула кровью. Договор был скреплён.

Дьяк вернулся. Утёр губы, глянул сначала на них, потом на грамоту.

– Ну что, семейные вы аль нет? Решили?

– Да! – ответили они хором.

Дьяк пожал плечами, поставил печать на склеенную бересту, отдал им.

– Получите грамоту. Ждите решения. Следующий!

Корней взял бересту дрожащими руками. Малаша улыбнулась. Они вышли из Приказа, оставив за спиной очередь, дьяка, образ Перуна и указ, который никто не читал.

А в это время, в покоях верхних, в палатах, где хранились самые важные свитки, сидел Перун. Нет, не образ, а сам Перун Громовержец, сошедший с небес в облике боярина. Был он статен, высок, в кафтане парчовом, расшитом молниями серебряными. Борода седая, глаза – что два грозовых облака, то светлые, то тёмные. Сидел он за столом, просматривал заявки на жалованье и морщился.

– И это – спасатели? – голос его гремел, хотя он говорил почти шёпотом. – Волхвы, что от собственной тени бегут? Ведуньи, что зельями людей в лягушек превращают? Мужики с топорами? Где герои? Где сила? Где воины?

– Таковы времена, громовеликий, – ответил помощник, низко кланяясь. – Герои нынче – свитки пишут и читают, сидят в библиотеках, на ярмарках зелья продают.

– Срам, – процедил Перун.

Он взял стопку свежих заявок, что дьяк уже принял, начал листать. Одна – волхв из Мурома, вторая – ведунья из Рязани, третья – купец с топором... И вдруг ему попалось что-то дивное – две грамоты, склеенные воедино, пропитанные квасом, с расплывшимися буквами. Перун поднёс слипшуюся бересту к свету и прищурился.

– Это что за безобразие? – голос его стал тише, но от того не менее страшным. – Два в одном? Кто разрешил?

– Т-там семейные, ваше громовеличество... – заикаясь, пролепетал помощник. – Муж и жена...

– Семейные? – Перун усмехнулся. – Гляжу я на эту грамоту и чую... Велесом пахнет. Старым плутом. Это он их свёл, не иначе.

Он отложил грамоту, но краем глаза следил за ней. И на уголке бересты, невидимая глазу простому, выжглась маленькая молния – знак, предупреждение. Не понравилась Перуну эта склеенная грамота. Ох, как не понравилась.

– Ладно, – сказал он, откидываясь на спинку кресла. – Посмотрим, что из этого выйдет. А там видно будет.

Помощник облегчённо выдохнул.

Тем временем Корней с Малашей вышли из Приказа. Солнце стояло высоко и слепило глаза. На крыльце их ждал ёж – свернулся клубочком, грелся.

Малаша подняла ежа.

– Фырка, знакомься,. это Корней. Мой муж. Понарошку. Пока.

– Это что? – Корней отшатнулся.

– Это Фырка. Мой помощник. Не бойся, он хороший. Просто колючий.

– Он ёж?

– Вообще-то поросёнок. Но временно – ёж.

– Слушайте... Меланья... - Корней поправил очки, пытаясь сохранить остатки достоинства.

– Зови меня Малашей, – перебила она. – Мы же теперь муж и жена. Понарошку, но всё же.

– Малаша... – он запнулся. – Нам теперь жить вместе. Где? У меня – келья в монастыре. Но туда женщину не пустят. У тебя?

– У меня – стог сена, – грустно ответила она. – Вчера хозяйка выгнала. Из-за Фырки.

– Значит, нужно искать жильё. У нас есть жалование? Пока нет, только надежда.

– Так нам же по указу жильё положено! Для семейных спасателей! Вон, на окраине избы пустуют, для таких, как мы.

– Вы уверены?

– А чего сомневаться? Пойдём, книжник. Покажу тебе нашу новую избу.

Они пошли. Тощий книжник в треснутых очках и девка с ежом за пазухой. Оба мокрые, оба растрёпанные. Прохожие оглядывались, кто-то улыбался, кто-то крестился. А они шли и молчали. И в молчании том было что-то такое общее. Словно две нити, что только что сплелись в один узел, и теперь тянулись вместе, куда-то вперёд, в неизвестность.

– Корней, – вдруг спросила Малаша. – А ты не боишься? Что нас разоблачат? Что жалование не дадут?

– Боюсь, – честно ответил он. – Но... архивы Приказа. Ради них я готов на всё.

– А я – ради лавки. И чтобы зелья не взрывались.

Они переглянулись и неожиданно улыбнулись друг другу. Не натянуто, не от волнения, а по-настоящему.

А в Приказе, в палатах верхних, Перун вновь взял в руки склеенную грамоту. Только теперь на ней стояла печать дьяка. Значит, это была уже не просто бумага, а дело. Дело о жалованье на имя Корнея Шелеста и Меланьи Искры, семейных.

Он долго смотрел на неё, на расплывшиеся буквы, на пятна от кваса, на капли крови и чиха, скрепившие договор. Потом усмехнулся. Как-то странно усмехнулся – не добро, но и не зло.

– Что теперь скажешь о них? – спросил он помощника.

– Ничего, громовеликий. Странно как-то. Книжник десять лет из библиотеки не выходил, да ведунья, у которой зелья то взрываются, до действуют незнамо как. Семья – не настоящая. Видать, сговорились у дьяка.

– Значит, обман?

– Выходит, так.

Перун помолчал.

– Хм... Велес, Велес. Чую я тебя, старый плут. Это ты их свёл? Или Макошь? – Он усмехнулся. – Ладно. Пусть живут пока. Посмотрим, что из этого выйдет. А там... там видно будет.

Он положил грамоту в стопку «на рассмотрение». На уголке бересты продолжала мерцать маленькая молния. Это означало, что громовержец будет следить. Ох, как будет.

А Корней и Малаша тем временем шли по дороге к выселкам, где, по слухам, пустовали избы для семейных спасателей. Солнце клонилось к закату. Ёж фыркал за пазухой. Малаша напевала что-то весёлое. Корней молчал, перебирая в голове события дня.

– Корней, – вдруг спросила она. – А ты веришь, что у нас получится?

– Не знаю, – ответил он. – Но... попробовать стоит.

Она улыбнулась и взяла его за руку. Он не отнял.

И шли Корней с Малашей по дороге в неизвестность. И не ведали, что судьба их уже решена, что нити их уже сплели в тугой узел. А что где-то там, в вышине, один старый бог усмехался в бороду, а другой грозил молнией. Но главное – они были вместе. Пусть понарошку. Пусть на время. Но вместе. А что будет дальше – увидим.

4

За околицей, где кончаются людские жилища и начинается лес дремучий, стояли выселки. Место там было гиблое, нелюдимое. Болота кругом, комарьё тучами. А по ночам, сказывали, огоньки бродят – лесная нечисть шалила. Кто побогаче – в городе жил, кто победнее – в деревне ютился, а уж кто совсем без роду без племени – тому дорога на выселки, к избам брошенным, к жилью, что люди обходят десятой дорогой.

И была там изба одна, о которой особливо дурная молва ходила. Стояла она на отшибе, у самого леса, крыша соломенная давно провалилась, крыльцо покосилось, а на ставнях, сказывали, руны вырезаны такие, что нечисть их обходит. Жил в той избе когда-то леший. Давным-давно, ещё при царе Горохе, а после – ушёл в лес, избу бросил. С тех пор никто там не селился: ни человек, ни зверь, ни дух. Только ветер в трубе выл да совы на крыше ночевали. Именно эту избу и дали Корнею с Малашей по государеву указу.

И пошли Корней с Малашей к своей избе. Шли долго, мимо полей пустых, мимо огородов, где репа прошлогодняя гнила на корню, мимо пруда, где вода стояла зелёная, неподвижная.

Малаша, чтобы подбодрить, заговорила первая:

– Ну, Корней, не унывай! Может, изба та – хоромы! С печью, с лавками, с сенями просторными! – Малаша заговорила первой, чтоб как-то подбодрить приунывшего книжника.

– По описанию – изба лешего. Лешие, они в хоромах не живут. Согласно трактату «О жилищах нечистой силы», лешие обитают в дуплах, норах и брошенных избах. Удобства им незнакомы, - мрачно посмотрел на неё Корней, поправляя очки.

– А ты откуда знаешь? Ты ж десять лет из библиотеки монастырской не вылезал! Может, лешие теперь большие любители удобств!

– Я читал. Целых тридцать семь свитков о нечисти. Там ни одного упоминания о любви к удобствам.

– Ох ты, зануда... – вздохнула Малаша. – Ладно, посмотрим.

Дорога привела их к опушке. Солнце уже клонилось к закату, лучи пробивались сквозь ветви, рисовали на земле золотые полосы. И вот, за последними берёзами, показалась она – изба.

Она стояла на пригорке, кривая, старая, словно старуха, что спину согнула. Крыша просела, солома с неё свисала будто нечесаные космы на голове. Крыльцо покосилось, ступеньки прогнили, перила обломаны. На ставнях – руны какие-то, полустёртые, страшные. А вокруг – крапива в рост человеческий, лопухи с коровью голову да репейник цепкий.

Малаша остановилась, присвистнула. Корней подошёл, поправил очки, начал что-то высчитывать в уме.

– Ох ты, батюшки... – тихо сказала Малаша. – Хоромы, называется...

– Достойное жилище для исследователя бытовой магии. Аскетичное. Крыша требует латания – три дыры. И это мы в избу ещё не зашли. Смета на ремонт составит... – Корней заговорил деловито, даже с каким-то странным удовольствием.

– Аскетичное? – Малаша перебила его, не выдержав. – Это ж развалина! Тут же жить нельзя!

– Можно. Леший же жил.

– Так то Леший! А мы – люди! Нам печь нужна, крыша над головой, чтоб не капало!

– Капать будет. Крыша дырявая. Но мы составим смету, подадим заявку в Приказ...

– Подадим? Когда? Через полгода? – Малаша всплеснула руками. – А где мы сейчас жить будем? В лесу?

В этот момент ёж, который всё время мирно сидел за пазухой, вдруг высунулся, фыркнул и спрыгнул на землю. Он быстро-быстро побежал к избе, обнюхал крыльцо, покрутился и скрылся под ним.

– Фырка! – закричала Малаша. – Фырка, вернись!

– Похоже, ваш поросёнок нашёл себе новое жильё, – заметил Корней. – Что, впрочем, научно обосновано: животные чувствуют безопасные места.

– Он не поросёнок! – возмутилась Малаша. – Он ёж! Временно! И просто разведывает тут всё!

Малаша обошла избу кругом, заглядывая в каждую щель. Сзади, прихрамывая, шёл Корней. Он продолжал что-то бормотать про смету на ремонт, про необходимые материалы, про то, что «леший, видимо, не платил налоги, раз такое запустение».

Сзади избы оказался огород. Когда-то, видать, был хорош, да теперь зарос бурьяном. Только в углу, у самого забора, торчала одинокая грядка с репой. Репа была огромная, с человеческую голову, и почему-то вся в шишках. Малаша наклонилась, потрогала – твёрдая, как камень.

– Глянь, Корней! Репа! Твоя любимая!

Корней оживился впервые за весь день. Подошёл, присел, внимательно осмотрел корнеплод.

– Какая интересная... И шишки, видимо, от заговора неправильного. Леший, наверное, пытался ускорить рост, да перестарался. Надо записать.

– А есть её можно?

– Не советую. Может заговорить. Как петух.

– Как петух на ярмарке?

– Хуже. Репа может начать читать лекции о севообороте.

Малаша фыркнула, отошла от грядки. Они направились к сеням.

В сенях было темно, сыро, пахло землёй и гнилью. В углу валялся старый лапоть, одинодинёшенек. Рядом – ведро, полное дождевой воды, а в воде – лягушка сидит, глазастая, на них смотрит. Малаша наклонилась, лягушка – квак! – и скок под лавку.

– Жильцы уже есть, – усмехнулась Малаша.

– Лягушка – к деньгам, говорят, – философски заметил Корней.

– Это лягушка – к сырости, говорю. Надо ведро вылить.

Рядом с сенями обнаружилась клеть – маленькая, тёмная. Там, видать, леший хранил припасы. Сейчас же там – пусто, только паутина по углам да на полке – горшочек с чем-то. Малаша открыла, понюхала – мёд! Засахарившийся, старый, но мёд.

– О! Мёд! Леший оставил!

Корней нахмурился.

– Не берите. Может быть заговорённым.

– Мёд – он и есть мёд. Заговорённый он только слаще.

– Это не научный подход.

Малаша сунула горшочек в котомку, не обращая внимания на ворчание Корнея. Он вздохнул, но спорить не стал.

Вошли они в избу. Дверь скрипнула так, словно из глубины веков, из самой древности, кто-то им ответил. Внутри темень такая, хоть глаз выколи. Малаша пошарила рукой – нашла лавку, села. Корней остался стоять у порога, не решаясь.

– Есть тут кто? – позвала Малаша. – Ау! Леший?

Ответом была тишина. Только мышь где-то скреблась.

– Леший, согласно трактату, давно ушёл в лес, – тихо сказал Корней. – Его дух перебрался в сосну за околицей.

– Ну и ладно. Без духов как-то спокойнее.

Корней нашёл в углу лучину, чиркнул огнивом – не загорается. Чиркнул ещё – не загорается. Плюнул, прошептал заклинание... Лучину покрыл иней, а свет не появился. Малаша вздохнула, щёлкнула пальцами – и на кончике пальца загорелся огонёк. Маленький, оранжевый, послушный.

Корней удивлённо посмотрел на неё.

– Вы умеете?

– Огонь – моя стихия, – ответила Малаша. – А остальное – уже как получится.

Огонёк осветил избу. И они замерли. Печь развалена – труба обвалилась, кирпичи на полу. Лавки все перекошены, одна ножка отломана. Стол – тоже кривой, на трёх ногах, четвёртая заменена поленом. На столе стоит горшок глиняный, а в нём что-то когда-то было, да засохло и превратилось в чёрную корку. По углам паутина, да не простая, а такая густая, что в ней, казалось, можно увязнуть. На окнах ставни закрыты, намертво. И везде – пыль. Пыль серая, густая, лежащая слоями.

– Ох ты ж... – прошептала Малаша.

Корней, не обращая внимания на её состояние, начал загибать пальцы:

– Печь требует капитального ремонта. Лавки – замены. Стол – новой столешницы. Полы – перестилки. Крыша – латания. Смета на ремонт составит...

– Не надо сметы, – перебила Малаша. – Просто скажи: жить можно?

Корней помолчал.

– Можно. Если не бояться.

– Я ничего не боюсь.

Огонёк на пальце Малаши осветил угол. И там, на полке, они увидели образ. Не Перуна, не Сварога – а Велеса. Старая, потёртая, на дереве. Велес на образе был с бородой, с рогами, с веретеном в одной руке и с лаптем в другой.

– Глянь, книжник, – сказала Малаша. – Это ж...

– Велес, – ответил Корней. – Бог скота, богатства, магии и поэзии.

– Значит, нам его почитать надо? Для удачи?

– В научной среде считается, что Велес покровительствует исследователям. И неудачникам.

– Ну, мы тогда точно подходим. Здравствуй, дедушка. Мы тут поселиться хотим. Ты уж не серчай, что беспокоим. А мы тебе мёд поставим, как в клети нашли, - прошептала Малаша.

Малаша вышла в сени – проветрить, за водой сходить. И тут она заметила тот самый лапоть, что лежал в углу. Сейчас он казался другим. Будто бы он вырос. И не лапоть это вовсе, а что-то, что приняло облик лаптя. Она наклонилась, протянула руку.

– Что ж ты тут лежишь, одинёшенек? Хозяин, поди, ушёл, а ты остался...

И тут что-то произошло. Лапоть зашевелился. Не то чтобы пошевелился, а словно вздохнул. Потом скрипнул. Потом из него раздался голос – густой, ворчливый, как у старого деда, которого разбудили не вовремя.

– А чего я, по-твоему, бегать за ним должен? – голос был обиженным и сонным одновременно. – Я лапоть, а не пёс. И вообще – чего шумим, чего пылим? Дайте старику поспать! Я тут тридцать лет жильцов ждал, а они являются – и сразу шумят!

Малаша отскочила так резво, что чуть не упала.

– Что случилось? Что за крик? – из сеней выскочил Корней.

– Он заговорил! – выдохнула Малаша, показывая на лапоть

– Кто? Лапоть? – Корней подошёл ближе, наклонился. – Это невозможно. Лапти не обладают речевыми способностями.

– А это ещё кто? Тоже жилец, что ль? И чего вы все такие шумные? Раньше жильцы тихие были, культурные. А эти явились и скандалят, кричат, спать не дают, - лапоть снова подал голос, на этот раз ещё более недовольный

Корней побледнел. Малаша, наоборот, заинтересовалась.

– Ты кто? – она всё-таки подошла ближе, присела на корточки

Лапоть вздохнул, зашевелился.

– Кто-кто... Лапоть. Лаптем меня зовут. Тридцать лет здесь лежу, никому не мешаю. А вы пришли – и сразу шум, гам, скандалы. Ну что за люди пошли?

Лапоть зашевелился сильнее, заскрипел, и из него, кряхтя и охая, начал вылезать старик. Седой, бородатый, в простой крестьянской свитке, но из-под ворота видна была вышивка золотая. Под свиткой была парадная рубаха. Глаза у него были разные – один карий, другой зелёный. Старик смотрел на них они хитро, с насмешкой. Он вылез, отряхнулся, поправил бороду, оглядел их.

– О-хо-хо! – сказал он. – Триста лет в лапте просидел – и вот, дождался. Ну, давайте знакомиться, что ли. Велес я. Можно просто – дед Велес. Или «ваше величество божеское». Но я без чинов, по-простому.

Малаша, опомнившись, поклонилась низко. Корней стоял, раскрыв рот.

– Здравствуй, дедушка Велес! – сказала Малаша. – А мы и не знали, что ты здесь живёшь. Прости, что потревожили!

– Живу? Скорее, прозябаю. Тридцать лет в лапте, на печи, одна лягушка в гости заходит... А вы, гляжу, молодые, весёлые. Может, и мне будет не скучно, - отмахнулся Велес.

– Это невозможно. Боги не живут в лаптях. Согласно древним текстам, Велес обитает в подземных чертогах... – забормотал Корней и отступил к стене.

– Так, то по древним текстам, книжник, – усмехнулся Велес. – А по нынешним – пенсия у богов, чертоги отобрали, а лапоть – самое то. И дышится, и не дует, и от Перуна спрятаться можно.

Он подошёл к Корнею, заглянул ему в лицо, поправил очки и покачал головой.

– Ох, книжник, книжник... Весь в чернилах, очки кривые, свитка дырявая. И в жёны взял кого попало, – он покосился на Малашу. – Ну да ладно. Мои вы теперь. Будем жить.

Он хлопнул Корнея по плечу так, что тот чуть не упал. Потом подошёл к Малаше, заглянул за пазуху, где ёж сидел, и усмехнулся.

– Поросёнка зачем попортила? Хорошая девка. Весело с вами будет.

5

А солнце тем временем клонилось к закату, окрашивая небо в багрянец и золото. Над лесом, что стоял за избой, поднимался туман – лёгкий, молочный, словно Макошь пряжу распустила. В избе было тихо, только печь потрескивала да мышь скреблась под полом. Велес, забравшись на лежанку, храпел – громко, по-божески, так, что стёкла в очках Корнея дрожали. Сам Корней сидел за столом, склонившись над свитком, выводил смету на ремонт, да всё больше клевал носом, клевал – и наконец уронил голову на руки, заснул.

Малаша же спала на печи, рядом с Велесом, прижав к себе ежа. Фырка сопел, иногда вздыхал во сне, перебирал лапками – видать, бегал где-то по зелёным лугам, уже не ежом, а поросёнком. Малаша гладила его во сне, улыбалась.

А за окном, на крыльце, кто-то тихо запел. Голос был негромкий, но чистый, как родник. И песня была древняя, без слов, – так ветер поёт в трубе, так вода в ручье журчит. И снился Малаше сон, будто зовёт её кто-то, манит за собой, в туман, в ночь, к звёздам.

– Кто там? – прошептала Малаша. – Кто поёт?

Она села на печи, свесила ноги. Малашу тянуло наружу, как тогда, в стогу, когда она смотрела на звёзды и ждала чуда.

– Фырка, – позвала она ежа шёпотом, – ты слышишь?

Ёж сквозь сон фыркнул, но не проснулся.

– Я выйду. Ты тут спи.

Малаша тихонько, чтобы не разбудить Корнея, соскользнула с печи и, крадучись, направилась к двери. Та скрипнула, но не громко. Малаша вышла на крыльцо.

Ночь была ясная, звёздная. Месяц молодой висел над лесом, и свет его разливался по земле серебром. Вдалеке, в лесу, ухал филин, да где-то за болотом плакала выпь.

Малаша села на завалинку, обхватила плечи руками. Песня затихла, но воздух всё ещё дрожал от недавних звуков.

– Кто здесь? – тихо спросила Малаша. – Кто поёт? Покажись...

И тут она увидела. На завалинке, в тени, сидела женщина. Не заметить её было нельзя. Казалось, она всегда здесь была, просто Малаша смотрела и не видела её.

Вроде в простой одежде, как у неё. Ан нет, рубаха у женщины золотыми нитями расшита, потому и блестела в темноте. И веретено зачем-то на поясе. И в длинных седых волосах тоже нити светились – золотые да серебряные. Лицо её было и старое, и молодое одновременно. Как так? А кожа – гладкая, как у самой Малаши. Но глаза – мудрые, бездонные, как колодцы. В руках она держала прялку, и веретено крутилось само собой, без рук. Тонкие-претонкие нити словно из воздуха вытягивались. Золотые, серебряные, алые, чёрные. Они тянулись от веретена в разные стороны.

Малаша замерла, не в силах двинуться. Женщина подняла на неё глаза и улыбнулась.

– А, проснулась, касатушка, – сказала она тихим, но проникающим в душу, голосом. – А я тебя жду.

– Ты кто? – спросила Малаша дрожащим голосом.

– Повитуха я, – ответила женщина, продолжая прясть. – Судьбы принимаю. Ниточки ваши пряду, узелки вяжу. Меня Макошью зовут. Или, по-простому, – бабка-пряха. Ты, девонька, не бойся. Я не кусаюсь.

– Макошь... – прошептала Малаша. – Богиня?

– Богиня, богиня, – усмехнулась та. – Мы тут, на выселках, все свои. Вон Велес в лапте спит, Перун в Приказе заседает, а я вот по ночам пряду. Тихо, мирно, никому не мешаю.

– А что ты прядёшь? – спросила Малаша, осмелев.

– Судьбы ваши, касатушка, – ответила Макошь и кивнула в сторону избы. – Твою, его, вашу общую. Вот, гляди.

Она подняла веретено, и Малаша увидела нить. Она была не простая, а золотая, с серебряными прожилками, и по ней, как по реке, плыли маленькие искорки. Нить вилась, петляла, то утолщалась, то истончалась, но не рвалась.

– Твоя нить, Меланья, – сказала Макошь. – Запутанная, ох запутанная. Всё ты, девка, не туда лезешь, зелья не те варишь… Но нить-то крепкая! Не рвётся. Значит, не пропадёшь.

– А его? – спросила Малаша. – Корнея? Книжника?

– А его, книжника, гляди.

Макошь поднесла веретено к свету, и Малаша увидела вторую нить – серую, ровную, аккуратную, как строчка по свитку. Нить тянулась прямо, но вдруг – резкий поворот, узел, и она сплелась с золотой нитью Малаши в одну.

– Это... это мы? – выдохнула Малаша.

– Вы, касатушка, – ответила Макошь. – Судьба свела. Не случайно вы в тот день в Приказе столкнулись. Не случайно грамоты в квасе склеились, не случайно в эту избу пришли. Всё – ниточка тянется. Моя работа.

Малаша подсела ближе к Макошь на завалинку. Странно, но она не чуяла холода. Туман обволакивал их, тёплый, уютный, словно одеяло. Веретено крутилось, нить тянулась, и казалось, что время остановилось.

– А зачем ты мне это показываешь? – спросила Малаша.

– Чтобы знала, – ответила Макошь. – Не боялась. Судьба, она, девонька, не тюрьма. Она – дорога. Идти по ней можно по-разному: можно плакать, можно петь, можно топать ногами. А можно – с верой, что ниточка не порвётся. Как пойдёшь, ты уж выбирай сама.

– А если я ошибусь? – спросила Малаша. – Если зелье не то сварю, если жалование не дадут, если Корней меня прогонит?

Макошь улыбнулась, покачала головой.

– Не прогонит. Он хоть и зануда, а человек хороший. И ниточка ваша – крепкая. Я такие люблю. Запутанные, но живые. С ними интересно.

Она отложила веретено, повернулась к Малаше, взяла её за руки. Ладони у неё были тёплые, шершавые, как у простой крестьянки.

– Слушай меня, Меланья, – сказала Макошь. – Ваша сила – не в зельях и не в свитках. Ваша сила – в том, что вы вместе. Даже если сами этого ещё не поняли.

– А что будет? – испуганно спросила Малаша. – С нами? С жалованием?

– Будет всё, – ответила Макошь. – И жалование, и лавка, и архивы. Но сначала – испытания. Судьба, она любит проверять. Крепкая нить – та, что выдерживает натяжение. А ваша – выдержит.

– А ты поможешь? – спросила Малаша.

Макошь хитро улыбнулась.

– Я уже помогаю. Сижу вот, пряду, ниточки ваши веду. А если совсем туго придёт – клубочек мой выручит. Но не злоупотребляй. Сами должны научиться.

Малаша слушала, затаив дыхание. Слова Макоши ложились на сердце, как семена в землю.

– А что будет с нами? В конце? – спросила она.

– Судьбы не рассказывают до срока, – ответила Макошь. – Но скажу одно: будет у вас чудо. Такое, что даже Перун удивится. А теперь – держи.

Макошь развязала пояс, достала маленький клубочек. Золотой, лёгкий, как пух, и светился он изнутри тёплым, живым светом. Казалось, внутри клубка билось маленькое сердечко.

– Это тебе, девонька, – сказала Макошь. – Запомни: клубок этот – не простой. Когда будет трудно, когда не будете знать, куда идти, – размотайте нить. Она выведет. А если узел

завяжется – не тяните, не рвите, а развяжите с умом. Судьба, она как нить: чем больше тянешь, тем туже узел.

Малаша взяла клубок. Тепло разлилось по рукам, по всему телу, и стало спокойно, будто дома.

– Спасибо, бабушка Макошь, – сказала она. – А когда мы ещё увидимся?

– Когда придёт время, – ответила Макошь. – Может, скоро. Может, не скоро. Но я всегда рядом. Тихо, в тени, ниточки ваши веду. А теперь – иди спи. Завтра день важный. Велес вас с утра будить будет, так что сил набирайся.

– А ты? Ты куда? – спросила Малаша.

Макошь встала, отряхнулась.

– А я – прясть, – сказала она. – Ниточки не ждут. Судьбы не спят.

Она спрятала веретено за пояс, прялку – под лавку. Посмотрела на Малашу долгим, тёплым взглядом.

– И мужика своего береги, – сказала она. – Он хоть и зануда, а сердце у него доброе. И ниточка к нему у тебя – золотая. Не порви, не затяни, не запутай. Ладно?

– Ладно, – ответила Малаша, краснея в темноте.

– Ну, бывай, касатушка, – улыбнулась Макошь. – Спи спокойно. Судьба ваша – под моим присмотром.

Она шагнула в туман, и туман сомкнулся за ней, скрыв её фигуру. Только свет от золотых нитей ещё мгновение мерцал в темноте, а потом погас. И стало тихо. Только сверчки стрекотали в траве, да филин ухал в лесу.

Малаша посидела ещё немного на завалинке, сжимая в руке клубок. Встала, потянулась, посмотрела на звёзды. Они были яркие, чистые, и казалось, что они тоже смотрят на неё – с надеждой, с лаской.

– Спасибо, бабушка, – тихо сказала она. – За клубок. За ниточку. За... за всё.

Она вошла в избу, тихо притворила дверь. Корней всё так же спал за столом, голова на свитке. Велес храпел на печи. Всё было как раньше – и уже не так.

Малаша забралась на печь, прижала к себе ежа, сунула руку за пазуху – клубок был там, тёплый, пульсирующий. И заснула. Во сне.

И приснился Малаше второй сон. То ли видела она такой раньше, то ли нет… Будто стоит она в лавке своей, но не на ярмарке, а в избе – той самой, что дали им. Лавка большая, светлая, полки до потолка, пузырьки на полках горят разными цветами: зелёным, красным, синим, жёлтым. И зелья те не пенятся, не стреляют, а тихо дымятся, благоухают. В углу – печь, на печи – котёл с зельем, и зелье то не булькает, не пенится, а тихо, ровно кипит, издавая сладкий, медовый запах.

А в лавке той – народ. Идут и идут, кланяются, благодарят:

– Спасибо, Меланья-световна, вылечила!

– Спасибо, родная, помогла!

– Лучшая ты ведунья на все выселки!

Малаша стоит за прилавком, улыбается, а рядом с ней – Корней. Он уже не в свитке перекошенной, а в новой, чистой, и очки у него новые – целые, не треснутые. Он сидит за столом, разворачивает свиток, записывает её рецепты, и лицо у него – счастливое, спокойное, без обычной его хмурости.

– Гениально, Малаша! – говорит он во сне, поднимая голову. – Гениально! Это же открытие! Это же переворот в бытовой магии! Твои зелья – это новое слово в науке!

А Малаша ему в ответ:

– Ты бы лучше печь починил, книжник. А то зелья не тем местом дымят.

Они смеются. И в руках у Корнея – свиток, а на свитке том написано: «Диссертация Корнея Шелеста и Меланьи Искры. Совместное исследование бытовой магии и зелейного дела». И печать на свитке – золотая, с молнией, с лаптем и с веретеном. Три бога разом.

Малаша проснулась. В избе было тихо, только печь потрескивала да Велес храпел. Ёж спал рядом, свернувшись клубочком. Клубок был у неё за пазухой – тёплый, живой. Она улыбнулась, закрыла глаза.

– Сбудется, бабушка? – прошептала она. – Сбудется?

Ответа не было. Но клубок под рубахой пульсировал теплом, и это было лучше всяких слов.

6

А наутро, едва солнце поднялось над лесом, заглянуло в окошко, изба проснулась. Но не от крика петуха, а от храпа Велесова. Храпел бог так, что стёкла дрожали, мыши из-под пола разбегались, а лягушка в ведре, что в сенях стояла, от страха квакать перестала.

Корней, который так и заснул за столом, подскочил от первого же раската да чуть со скамьи не свалился. Очки сползли на нос, волосы торчали в разные стороны, на щеке отпечаталась строка со свитка – «заговор на урожай репы, строчка третья». Он похлопал глазами, огляделся, пытаясь понять, где он и что с ним.

Малаша на печи заворочалась, прижала к себе ежа, который от храпа тоже проснулся и фыркал возмущённо. Она свесила голову вниз, глянула на Корнея и улыбнулась. Сонная, растрёпанная, с рыжими прядями, что лезли во все стороны, она показалась Корнею очень ничего. Даже симпатичная.

– Живой, книжник? – шепнула Малаша, чтобы не разбудить Велеса окончательно. – Не помер со страху?

– Живой, – ответил Корней, поправляя очки. – Но удивлённый.

Храп на печи смолк. Велес перевернулся на другой бок, крякнул, почесал бороду и открыл один глаз.

– Чего, не спите уже? – проворчал он. – Ох, солнце уже высоко. А у нас дел – невпроворот. Вставайте, чудотворцы.

Велес сполз с печи, кряхтя и охая, поправил свитку, пригладил бороду и направился к столу. За ним следом потянулись Корней и Малаша. Ёж, почуяв движение, спрыгнул с печи и побежал в сени – видать, к лягушке в гости.

Велес уселся во главе стола, оглядел их поверх очков. Очки, к слову, были не его – Корнеевы, треснутые, с берёстой. Бог стащил их у книжника, и теперь важно взирал на мир сквозь трещину.

– Ну-с, молодые, – начал он деловито. – Вчерась поселились, сегодня – хозяйствовать будем. Жалование нам обещали, но ждать его – только время терять. Надо самим как-то справляться. Первым делом – учёт. Что имеем? Чем богаты?

Корней потянулся было к своей бересте с расчётами.

– Я уже составил смету. Печь требует...

Велес поднял палец, перебивая.

– Погоди, книжник. Смету – потом, - перебил Велес и поднял палец. – Сначала – инвентаризация. Ревизия. Учёт всего, что в доме есть. Не зря же я бог богатства. Пенсия пенсией, но навык мой никуда не делся.

Он вытащил из-за пазухи огромную книгу из берестяных свитков и положил на середину стола. На первой странице было выведено крупными буквами:

«ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА ИЗБЫ № 7 НА ВЫСЕЛКАХ. СОСТАВЛЕНА В ПРИСУТСТВИИ ВЕЛЕСА, БОГА СКОТА, БОГАТСТВА И ПОЭЗИИ (НА ПЕНСИИ)»

Корней и Малаша переглянулись. Велес водил пальцем по строкам, исписанный мелким, но чётким почерком, и читал вслух:

– Гречка – полтора пуда. Мышей не было, сохранность хорошая, проверял лично. Мука ржаная – три горсти. С закваской, годится на блины, если молоко найдём. Сало – вчера съели, осталось только воспоминание. Мёд липовый – леший оставил, горшок почти полный, весом примерно два фунта.

Корней слушал и бледнел. Малаша слушала и хорошела.

– Зелья Меланьины – три пузырька, – продолжал Велес. – Зелёное, красное, синее. Воняют, но учитываются. Одежда – на Малаше: сарафан яркий, рубаха, платок; на Корнее:

свитка чернильная, штаны, очки треснутые; на Велесе: свитка парадная, лапоть один. Лапти – пара, один на Велесе, другой в сенях.

– Как это – лапти учитываются? – не выдержал Корней. – И очки? И даже зелья, которые воняют?

– Всё учитывается, книжник, - Велес посмотрел на него строго. – Каждая вещь, каждый пузырёк, каждая мышь под полом. Потому что хозяйство – это не просто вещи. Это жизнь. И если ты знаешь, что у тебя есть, – ты знаешь что можно из этого сделать. А если не знаешь – пропадёшь. Я, когда молодым был, из одного колоса такой урожай выводил, что... А, неважно уже.

– А лягушка? – спросила Малаша. – Лягушка в ведре? Она тоже учитывается?

Велес заглянул в список, нашёл нужную строчку.

– Лягушка в ведре – неучтённая. Она вредная. Пока не включаем. Может, пригодится вам. Для опытов, например.

– Для опытов? – переспросил Корней. – Лягушка? В научных целях?

– Вот видишь, книжник, – усмехнулся Велес. – Не всё же тебе репу изучать. Можно и лягушку.

Велес перевернул страницу. Там был уже другой список «РАСХОДЫ И ДОХОДЫ».

– А теперь – о главном, – сказал он. – Доходы: жалования пока нет. Надежды – много. Долги – никому не должны, и слава богам. Расходы: еда – гречка, мука, сало. Всё подходит к концу. Дрова – накололи вчера, хватит на неделю. Новые лапти Корнею – старые дырявые, я видел. Ткань на рубаху – Малаша свою порвала, когда за ежом гонялась. Пузырьки для зелий – старые разбились. Перья для письма, чернила...

Он загибал пальцы, на которых, казалось, пальцев было больше, чем положено. Корней смотрел, раскрыв рот. Малаша прыснула.

– Откуда вы знаете, сколько стоит новая рубаха? – спросил Корней. – Вы же бог! Вы в лапте живёте!

– Я, между прочим, и бог богатства тоже, - Велес обиженно поправил лапоть. – Я цены на всё знаю. И на рубахи, и на лапти, и на чернила. А лапоть – это моя пенсионная карта. Не суди никого по внешности и рангам, книжник. Боги – они разные бывают.

– Дедушка, – спросила Малаша, заглядывая в свиток, – а что, мы совсем без денег? Совсем-совсем?

– Пока – совсем, – вздохнул Велес. – Жалование дадут – будут. А пока экономим. Экономия, дети мои, это тоже искусство. Я, когда молодой был, из одной монеты мог... А, неважно уже.

Он вытащил из-за пазухи маленький мешочек, потрёпанный, завязанный кожаным шнурком. Развязал, высыпал на стол горсть монет – медных, старых, потёртых, с затертыми ликами.

– Это мои сбережения, – сказал он. – Пенсионные. На чёрный день. Копил несколько веков. Думал, лапоть новый куплю, да всё руки не доходили. А день, видать, настал.

– Берите, - он вздохнул, сгрёб монеты, пододвинул к Малаше. – Только с условием: вернёте, когда жалование получите. С процентами.

– С какими процентами? – спросила Малаша.

– Божескими. Десятина. Одна десятая часть. На поддержание избы и прочих нужд.

Корней открыл было рот, чтобы возразить, но Малаша его опередила.

– Согласны, дедушка, – быстро сказала она, собирая монеты. – Спасибо. Вернём. Обязательно.

Корней вздохнул, но спорить не стал.

– Проценты? – прошептал он. – Божеские? Это же...

– Это лучше, чем ничего, – так же шёпотом ответила Малаша. – Не ворчи.

Велес, довольный, откинулся на лавке, сложил руки на животе.

– А теперь – смету составляйте, – велел он. – Сами. Я посмотрю, как вы умеете. Вдруг да и не разоритесь.

Корней развернул свою бересту, на которой ещё со вчерашнего дня выводил расчёты. Малаша села рядом, заглянула через плечо.

– Итак, – начал Корней. – Первоочередные нужды: печь. Нужна заслонка новая, кирпичи, дрова сухие. Крыша – три дыры, считая трубу. Пол – доски гнилые, три половицы заменить. Окна – стёкла вставить, одно треснуло...

Он перечислял, загибая пальцы. Малаша слушала, кивала, но потом не выдержала.

– Корней, – перебила она, – а как же зелья? Мне нужны пузырьки новые, травы, коренья, мёд для настоек...

– Это второстепенно, – отрезал Корней. – Сначала – жильё.

– Второстепенно? – вспыхнула Малаша. – А если я зелье не сварю, как мы жалование получим? Нас же за зелья хвалят! Точнее, ругают, но всё равно их замечают!

– В научной среде принято считать, что материальная база важнее...

– Какая научная среда? – не унималась Малаша. – Ты десять лет в библиотеке сидел! Там одна среда – мыши! А я – ведунья. И зелья – моё дело. Без них мы – никто.

Корней покраснел. Малаша – тоже.

– Я не то хотел сказать, – попытался он смягчить.

– А я не то услышала, – ответила Малаша. – Но, если тебе мои зелья не нужны, так и скажи!

– Нужны! – выпалил Корней. – То есть... не нужны? То есть...

– Ну что, опять ссоритесь? – крякнул Велес на печи. – А я-то думал, вы уже научились договариваться.

Корней и Малаша замолчали, оба покрасневшие, оба смущённые.

– Давай так, – сказал Корней, беря себя в руки. – Половину денег – на ремонт. Половину – на зелья.

Малаша помолчала, обдумывая.

– Идёт, – сказала она наконец. – Но пузырьки мне нужны хорошие. Не те, что на торжище – по пять копеек, а стеклянные, с пробками. Чтобы не взрывались.

– Идёт, – вздохнул Корней. – Но и крыша тоже капать не должна. Договорились?

– Договорились.

Велес довольно крякнул.

– Молодцы. Научитесь договариваться – не пропадёте. А теперь – смету перепишем. Вместе.

Корней переписывал смету набело, выводя цифры старательно, аккуратно. Малаша сидела рядом, смотрела, иногда подсказывала. Велес наблюдал, вставлял свои замечания.

– Ты, книжник, не забудь про налоги, – сказал он вдруг. – За землю, за избу, за воздух. В Приказе любят налоги.

– Воздух тоже облагается? – удивился Корней.

– В Приказе – всё облагается, – усмехнулся Велес. – Я-то знаю. Я там триста лет проработал, пока на пенсию не вышел.

– А что вы делали в Приказе? – спросила Малаша, которой давно хотелось спросить, но всё как-то не решалась.

– А вот в моём храме в Новгороде, – начал Велес, откидываясь на лавке, – учёт вели строже! Три жреца за растрату в лебедей превратил, до сих пор летают, орут... Тьфу, лебеди не орут, они кличут. Но суть не в том. Учёт – это святое. Если не знаешь, что имеешь, – пропадёшь.

– А жрецы? – спросила Малаша. – Они так и остались лебедями?

– А чего их обратно превращать? – удивился Велес. – Лебеди – красивые. Летают, народ радуют. Им даже лучше стало. А в храме теперь новые жрецы, честные. Так что всё к лучшему.

– А вы многих так превращали? – спросил Корней, отрываясь от сметы.

– Да было дело, – задумался Велес. – Одного купца, что обвешивал, в барана превратил. До сих пор блеет, когда мимо моего лика проходит. Другого, что налоги утаивал, в сороку. Теперь по деревням летает, стрекочет, секреты выбалтывает. Так что учёт – это важно.

Корней и Малаша переглянулись – и оба невольно покосились на свои записи: всё ли правильно учли.

– А у нас всё правильно? – тихо спросила Малаша.

– Надеюсь, – так же тихо ответил Корней.

Велес услышал, усмехнулся.

– Это пока, – сказал он. – А там поглядим, что будет. Я – бог богатства. Кого люблю, тому и посылаю. Только не сразу. Сначала – проверка.

Он подмигнул и откинулся на лавке.

Смета была почти готова. Корней переписывал набело, выводил цифры, проверял расчёты. Малаша сидела рядом, но мысли её были далеко.

– Корней, – вздохнула она, – а блёстки для волос совсем нельзя? Хоть немножечко?

– Блёстки не входят в научную смету, – ответил Корней, не поднимая головы.

– А в хозяйственную?

– Тоже.

Малаша надула губы. Велес, наблюдавший за ними, усмехнулся.

– А ну-ка, девонька, – сказал он, – расскажи мне стихи. Я ж бог поэзии.

– Стихи? – растерялась Малаша. – Я не умею.

– А ты попробуй, – подбодрил Велес. – Про что хочешь. Про жизнь, про любовь, про репу в конце концов.

Малаша подумала, собралась с духом и начала тихо:

– Репа, репонька, расти,
Выше крыши, выше...
Тьфу, не то.

Она замолчала, покраснела. Велес засмеялся.

– Ну, не вышло с репой. Давай про другое.

Малаша выпалила одним духом, глядя прямо на Корнея:

– Ой, ты, книжник мой занудный,
Очкастый да чернильный,
Без тебя мне скучно, грустно,
А с тобой – и дождь не страшен,
И взрывы – не беда!

Корней поднял голову, удивлённо посмотрел на неё. Малаша покраснела ещё больше.

– Это не стихи, – сказала она. – Это так... Просто с языка сорвалось.

Велес одобрительно кивнул.

– Хорошо сорвалось. Искренне. За искренность – дам блёстки. Но немного. И чтоб не на сарафан, а в волосы. Одна нитка. Договорились?

– Договорились, дедушка! – просияла Малаша.

Велес вытащил из-за пазухи маленький мешочек, достал оттуда горсть блёсток – золотых, маленьких, что чешуя. Протянул Малаше.

– Держи. Это из моего личного запаса. Ещё с тех времён, когда в храме служил. Жрецы мои блёстками жертвенник украшали. А я на всяк случай отложил. Случай, видать, настал.

Малаша бережно взяла блёстки.

– Спасибо, дедушка! Я их в волосы вплету. Самые красивые будут!

– Только помни, – поднял палец Велес, – блеск весь должен быть изнутри. А снаружи – так, чуть-чуть. Для настроения.

– Всё. Смета готова, - Корней закончил писать, отложил перо, протёр очки.

– Дай посмотреть, – попросила Малаша.

Она прочитала вслух: «Смета расходов кандидатов на жалование Корнея Шелеста и Меланьи Искры. Крыша – три дыры, ремонт. Печь – заслонка новая. Стол, лавки – починка. Зелья – пузырьки стеклянные, травы. Сало, гречка, мука – на пропитание. Блёстки – одна нитка для Малаши (по личному распоряжению Велеса)».

– Ты и про блёстки написал? – удивилась Малаша.

– Велес велел всё учитывать, – ответил Корней.

– Правильно, – подтвердил Велес. – Всё должно быть честно. Даже блёстки.

Он взял свиток, поставил в углу свой оттиск – маленький след от лаптя.

– Теперь это официальный документ. С божественной печатью. В Приказе уважают такие. А если не уважат – я с ними сам поговорю. Через лапоть.

Велес свернул свиток, перевязал бечёвкой, положил на полку.

– А теперь – самое главное. Смета – это хорошо. Но без жалования она – просто бумага. Так что надо подавать заявку на повышение содержания. Я помогу. Составлю письмо. Скажу пару слов. По-божески. У меня там, в Приказе, ещё кое-какие знакомства остались. С того времени, как работал. На пенсии, а связи остались, – подмигнул он хитро.

Корней и Малаша сидели за столом, уставшие, но довольные. Велес подошёл к полуразваленной печи, на которой они спали ночью.

– Ну что, – сказал он, – а печь-то в каком состоянии? Того и гляди развалится.

– Мы её не трогали, – признался Корней. – Не умеем.

– А я умею, – усмехнулся Велес. – Я всё умею. Я – бог. Боги всё умеют. Иногда.

Он подошёл к печи, оглядел её, покачал головой. Потом поднял бровь. Одну. И печь начала меняться. Кирпичи сами собой вставали на место, трещины затягивались, глина застывала ровным слоем, труба выпрямлялась. Через минуту перед ними стояла новая печь – белая, нарядная, с медной заслонкой и широкой лежанкой.

Корней смотрел на это чудо, разинув рот. Малаша захлопала в ладоши.

– Дедушка! – воскликнула она. – Ты волшебник!

– Не волшебник, – поправил её Велес. – Бог. Разница есть. Волшебники колдуют, а боги... Они просто боги.

Он потрепал её по голове и забрался на печь.

– Всё. Теперь – спите. Завтра новый день. И помните: без порядка в доме – нет порядка в жизни. А счёт, – он понизил голос до таинственного шёпота, – счёт – это святое.

Велес забрался на печь, прикрылся лаптем и вскоре захрапел. Малаша и Корней сидели за столом, не зажигая огня.

– Корней, – сказала Малаша, глядя на новую печь, на блестящую медную заслонку, на ровную трубу. – Дедушка печь починил. Теперь можно и щи сварить. Давай завтра попробуем?

Корней кивнул. В словах её не было ничего страшного. Ничего, что могло бы его насторожить. Но почему-то у него похолодело в груди.

– Давай, – ответил он. – Но без зелий.

Малаша улыбнулась.

– Без зелий, – эхом отозвалась она. – Конечно, без зелий.

И в голосе её прозвучало что-то такое, от чего Корнею захотелось переспросить, проверить, попросить поклясться на смете и на божественной печати. Но он промолчал.

7

Солнце стояло в зените, заливая избу медовым светом. За окном стрекотали кузнечики, где-то в лесу куковала кукушка, и даже лягушка в сенях, казалось, квакала веселее обычного.

Корней уже вернулся из Приказа и сидел за столом, перебирал свитки. В Приказе требовали новый отчёт. Малаша хлопотала у печи, что-то напевала, поглядывала на горшки.

– Корней, а давай сегодня щи сварим! – весело сказала она. – Настоящие! С капустой, с мясом, с лучком! Как бабка учила!

– Щи? Сейчас? А отчёт? А завтра в собор? – Корней даже не поднял головы.

– Успеется! – отмахнулась Малаша. – Щи – это святое. Первый раз в своём доме щи сварить – это к удаче!

– Правда, книжник, дай девке похозяйничать. А то ты всё за свитками, за свитками. Скоро сам в свиток превратишься. А щи – это жизнь, - подал голос Велес с печи.

– Ладно. Но только без зелий. Договорились? – вздохнул Корней и отложил перо.

– Без зелий, без зелий! – обиженно ответила Малаша. – Я и сама умею! Бабка научила!

Она достала из печи чугунок, поставила на стол, начала нарезать капусту, морковь, лук. Корней смотрел на неё, пытался вернуться к отчёту, но не мог – следил за каждым её движением.

– А ты уверена, что... – начал он.

– Тише! – перебила Малаша. – Не мешай! Я –женщина. Женщины щи умеют варить с детства. Это тебе не зелья.

Велес на печи приоткрыл один глаз, усмехнулся, но промолчал.

Малаша, насыпая в чугунок капусту, приговаривала:

– Щи – они как люди. Чем дольше томятся, тем вкуснее. Бабка говорила: «Щи, которые три дня стояли, – самые лучшие». Но у нас трёх дней нет, так что... побыстрее как-нибудь, - приговаривала Малаша, засыпая капусту в чугунок.

– А что ты ещё добавляешь? – спросил Корней.

– Капусту, морковь, лук, мясо... – Малаша замялась. – И чуть-чуть... ну, совсем чуть-чуть... зелья «Румяные щёчки». Для вкуса. И для цвета.

– Зелья?! Опять?! Мы же договаривались, - вскочил Корней.

– Так это не для взрыва! Это для вкуса! Бабка всегда добавляла!

– Твоя бабка – ведунья! А щи – это еда! Еда не требует зелий!

– Требует! – не сдавалась Малаша. – Если с душой варить – требует!

Малаша, не слушая Корнея, достала из котомки маленький пузырёк с розовой жидкостью. Пузырёк засветился, когда она открыла пробку, и по избе разнёсся сладковатый, пряный запах.

– Каплю, – сказала она. – Всего одну каплю. Для аромата.

Она наклонила пузырёк над чугунком, и одна розовая, сверкающая капля упала в кипящий бульон.

– Малаша! – крикнул Корней.

– Всё! Закрываю! – Она захлопнула заслонку, отступила от печи, вытерла руки. – Всё будет хорошо. Вот увидишь.

Поначалу всё шло хорошо. Пар шёл, запах стоял по всей избе стоял запах капусты и мяса. Корней даже успокоился и снова взялся за свитки. Малаша сидела на лавке, гладила ежа, довольно улыбалась.

– Видишь, книжник? – сказала она. – Ничего не взорвалось. Я же говорила, что умею.

– Пока не взорвалось, – ответил Корней. – Но...

Договорить он не успел. Чугунок в печи дёрнулся. Раз. Потом ещё раз. Потом застучал крышкой так, что заслонка задребезжала.

– Ой... – сказала Малаша.

– Что «ой»?

– Кажется, я перепутала пузырьки. Это не «Румяные щёчки». Это «Утренняя роса».

Чугунок в печи загудел. Крышка подскочила, из-под неё вырвался яркий сноп искр ударил в потолок.

– Ложись! – крикнула Малаша.

Корней пригнулся, закрывая голову свитком. Малаша отскочила к двери. Чугунок взлетел, перевернулся в воздухе, и горячие, шипящие разноцветные щи брызнули во все стороны. Одна струя угодила в стопку свитков Корнея. Почему-то бумаги вспыхнули, загорелись. Другая попала на занавеску на окне, и та тоже занялась огнём. Третья струю пришлась на лавку, где сидел ёж, тот с визгом спрыгнул и укатился под печь.

– Пожар! – закричал Корней.

– Вода! – закричала Малаша. – Где вода?!

Она метнулась к ведру, но в ведре было пусто.

– Я! – крикнул Корней. – Я сейчас!

Он вскочил, выставил руки, закрыл глаза. Вспомнил заклинание. То самое, что учил давным-давно в библиотеке, но никогда не применял.

– Да сгинет огонь! – прошептал он. – Да воцарится холод! Да замёрзнет всё!

Из его рук ударила ледяная волна холода. Горящие свитки превратились в ледяные сосульки. Занавеску тоже застыла, как стеклянная. Волна накрыла всю избу – и щи, и печь, и лавки, и стол. Всё замерзло.

Корней с Малашей решились открыть глаза. Стены покрылись инеем, с потолка свисали сосульки, на полу возвышались холмики из замёрзших щей. Свитки, которые горели, теперь висели на стене, как ледяные картины. Занавеска превратилась в хрустальную. Даже печь, ещё минуту назад горячая, теперь дымилась холодным паром.

– Ой... – тихо сказал Корней.

– Корней! Что ты наделал?! – выглянула из-за двери Малаша.

– Я потушил пожар, – ответил Корней. – Как и хотел.

– Потушил?! – Малаша обвела руками ледяную избу. – У нас теперь ледяной дворец вместо избы!

Она шагнула в избу, поскользнулась на льду и упала. Корней бросился к ней, тоже поскользнулся, и они покатились по полу. Остановились только у печи.

– Ты... ты... – Малаша засмеялась сквозь дрожь. – Зануда ты ледяной!

– А ты... – Корней тоже засмеялся. – Взрывоопасная! Мы договаривались – без зелий!

– А ты – без заклинаний!

– Я тушил пожар!

– А я варила щи!

Они лежали на ледяном полу, все в инее, и смеялись. Смеялись от неловкости. От страха, от того, что оба – полные неудачники, которые даже поесть не могут приготовить без катастрофы.

Велес на печи не шевелился. Он лежал, прикрывшись лаптем, и, кажется, даже не заметил катастрофы. Только когда Корней и Малаша затихли, он приоткрыл один глаз.

– Ну что, наигрались? Наэкспериментировались? – спросил он.

– Дедушка, у нас изба... – начала Малаша.

– Вижу, вижу. Ледяной дворец. Красиво, ничего не скажешь. Только жить в нём холодно.

– Мы не хотели, – сказал Корней. – Это вышло случайно.

– Случайно? Как всегда, – вздохнул Велес. – А когда вы начнёте делать что-то не случайно?

Он сполз с печи, оглядел ледяные развалины.

– Эх, молодёжь, – покачал он головой. – Раньше я одним щелчком пальцев пожары тушил, а вы... Ладно, сейчас помогу.

Велес встал посреди избы, поднял руку, щёлкнул пальцами. Раз – и лёд исчез. Два – и щи испарились. Три – и свитки, которые висели ледяными сосульками, упали на стол сухими, чистыми, даже не помятыми. Четыре – и занавеска снова стала тряпичной, но чистой. Пять – и в печи снова загорелся огонь, тёплый, живой. Изба стала как новенькая. Даже чище, чем была.

– Дедушка... – поражённо выдохнула Малаша. – Это... это...

– Магия, девонька, – ответил Велес. – Настоящая. Божественная. Не то что ваши – взрывы да морозы.

– А почему вы сразу не... – начал Корней.

– А вы бы научились? – перебил Велес. – Если бы я за вас всё делал, вы бы так и остались неумехами. А так – хоть урок получили. Щи без зелий варить надо. И пожар тушить – водой, а не заморозкой. Поняли?

Корней и Малаша переглянулись.

– Поняли, – сказала Малаша.

– Урок усвоили, – добавил Корней.

Велес забрался на печь, устроился поудобнее, прикрылся лаптем.

– А теперь – миритесь. И смету перепишете. Ту, что я одобрил. А то без сметы жалования не будет. А без жалования – ни лавки, ни архивов. Так что думайте.

Он закрыл глаза, делая вид, что заснул. Но сам приоткрыл один глаз, наблюдая.

Молчали долго. Потом Малаша не выдержала.

– Корней... – тихо сказала она. – Прости меня. За зелье. Я не хотела. Оно само...

– Зелья сами не добавляются, – ответил Корней, не поднимая головы. – Ты добавила.

– Добавила, – согласилась Малаша. – Потому что хотела, чтобы щи были вкусные. Чтобы ты похвалил. Чтобы... чтобы тебе понравилось.

– Понравилось? Щи? Которые взорвались? – посмотрел на неё Корней.

– Не щи, – сказала Малаша. – А я. Чтобы я тебе понравилась. Потому что ты мне нравишься. Даже когда занудствуешь. Даже когда всё замораживаешь.

Корней покраснел. Малаша – тоже.

– Я не занудствую, – сказал он. – Я беспокоюсь. О тебе. О нас. О смете.

– О смете? – переспросила Малаша. – Больше, чем обо мне?

– Нет. О тебе – больше. Просто я не умею про это говорить.

Он встал, подошёл к ней, сел рядом. Она не отодвинулась.

– Малаша, – сказал он, – давай договоримся. Ты не добавляешь зелья в еду. А я не замораживаю избу. Идёт?

– А если пожар? – спросила Малаша.

– Тогда будем тушить водой. Вместе.

– Вместе.

Она протянула руку, он сжал её. И они сидели так, молча, глядя на огонь в печи.

Велес на печи крякнул довольно.

– Ну вот, – сказал он. – А говорили – не умеете мириться. Умеете, когда надо.

Вечер опустился на выселки. В избе было тепло, печь потрескивала, на столе стояла миска со свежими щами. Малаша сварила на этот раз без зелий, по-простому. Они сидели рядом, ели молча, иногда поглядывали друг на друга.

– Вкусно? – спросила Малаша.

– Вкусно, – ответил Корней. – Без зелий намного вкуснее.

– Я запомню.

Она улыбнулась, он – ей. В избе было уютно, спокойно. Но спокойствие это было обманчивым.

Корней переписывал смету, выводил столбики цифр, проверял расходы. Малаша мыла посуду, напевала что-то тихонько. Велес на печи делал вид, что спит, но сам прислушивался.

Вдруг за окном что-то сверкнуло. Корней поднял голову. Малаша замерла. Лягушка в сенях тревожно квакнула.

8

Малаша выглянула в окно.

– Кто это? – спросила она.

– Не знаю, – ответил Корней, бледнея. – Но... их много.

Из темноты вынырнули всадники. Трое. В казённых кафтанах, с факелами в руках. За ними ехала телега, накрытая рогожей.

– Эй, хозяева! – раздался голос. – Отворяйте! Из Приказа мы! С проверкой!

– Проверка? Сейчас? – Малаша схватила Корнея за руку.

– Похоже, – ответил Корней.

Велес на печи приоткрыл один глаз.

– Ну вот, – вздохнул он. – А говорили, завтра в собор. А проверка – сегодня. Дьяк Никодим, видать, решил по-свойски навестить.

Он сполз с печи, подошёл к двери, оглянулся на Корнея и Малашу.

– Сидите здесь. Я в лапоть. Если что – молчите про меня. Я – простой лапоть. Леший оставил. Поняли?

– Поняли, – кивнул Корней.

– А если спросят? – спросила Малаша.

– Скажете – амулет. Бабушкин. От сглазу. И всё.

Велес натянул лапоть на ногу, залез на печь, прикрылся рогожей. И стал самым обычным лаптем. Старым, потрёпанным, незаметным.

– Открывайте! По указу государеву! Проверка жилья и быта! – раздался громкий и требовательный стук в дверь

Корней подошёл к двери и дрожащей рукой отодвинул засов. Дверь распахнулась.

На пороге стоял дьяк Никодим. Тот самый, что грамоты в Приказе принимал. За его спиной – два стражника с факелами. А за ними телега виднелась, а на ней мешков, коробов, узлов – видимо-невидимо.

– Здравствуйте, спасатели! – сказал Никодим, входя в избу. – Принимайте гостей. Проверка у вас. Внеплановая. По личному распоряжению самого Перуна.

Малаша ахнула. Корней побледнел.

– Перуна? – переспросил Корней. – Но мы ещё не готовы...

– А никто вас и не спрашивает! – усмехнулся дьяк. – Перун велел проверить, как вы тут живёте, чем дышите, что едите. И не прячете ли кого лишнего в избе?

Дьяк прошёлся сеням, заглядывая во все углы.

– И что это у вас? – спросил он, заглядывая под лавку. – Ёж, что ли?

– Фырка! – испуганно ответила Малаша. – Он учёный! Он... он зелья пробует!

– Зелья? А он не опасный?

– Нет! Он хороший! Он вообще-то поросёнок! Но временно – ёж! – выпалила Малаша, понимая, как глупо это звучит.

– В общем, живёте вы скромно. Но это не страшно. Страшно другое. Перун велел проверить, не прячете ли вы кого лишнего. Понимаете? – дьяк усмехнулся, выпрямился, оглядел избу, почесал затылок.

– Лишнего? – переспросил Корней, и голос его чуть дрогнул. – Нет. Только мы. И ёж. И лягушка. И...

– И? – поднял бровь дьяк.

– И больше никого! Никого! – быстро сказала Малаша.

Дьяк снова прошёлся по избе, заглянул за печь. Там, в углу, лежал лапоть. Старый, потрёпанный и совершенно ничем не примечательный.

– А это что такое? – спросил дьяк. – Лапоть?

– Амулет! – быстро ответила Малаша. – Бабушкин! От сглазу! На удачу!

Дьяк взял лапоть, повертел в руках, понюхал. Малаша замерла. Корней побелел как полотно. Из-под лаптя не доносилось ни звука – Велес затаился и не выдавал себя.

– Ну, бабушкин так бабушкин, – сказал дьяк, бросая лапоть обратно в угол. – Ладно, продолжим.

Малаша стояла у печи, ни жива – ни мертва. В руках она сжимала пустой горшок. Руки её дрожали, а на кончиках пальцев заискрилось – оранжевое, красное, живое. Она пыталась унять магию, но та не слушалась.

– Спокойно, – прошептала она сама себе. – Спокойно. Не взрывайся. Не сейчас.

Дьяк тем временем вышел из избы, заглянул в клеть, потом в сени, потом под крыльцо. Молодой, тощий помощник всё записывал, иногда поднимал голову и смотрел на Малашу с любопытством.

– Дяденька дьяк, – спросил помощник, – а что это у ней на пальцах? Искры?

– Искры? Где? – обернулся дьяк.

Малаша быстро спрятала руки за спину.

– Ничего! – сказала она. – Это от печи! Искры от дров!

– От дров? – переспросил дьяк. – Ну-ну.

Он подошёл ближе, заглянул ей за спину. Малаша отступила к печи.

– А ну-ка покажи руки, – велел дьяк.

Малаша протянула руки. Искры погасли, пальцы были чистыми.

– Ладно, – сказал дьяк. – Верю. Но предупреждаю: если что – я доложу. Самому Перуну. Он у нас строгий.

Он отвернулся и снова направился в сени, а затем – во двор. Малаша выдохнула, но облегчение длилось недолго.

Из-под рогожи, с печи, донесся едва слышный шёпот. Тоненький, как писк, но Малаша узнала голос Велеса.

– Спокойно, девонька, – прошептал он. – Я рядом. Не бойся. Он ничего не найдёт.

Малаша кивнула, еле заметно, и руки её перестали дрожать. Но ненадолго.

Корней тем временем метался по избе, собирая пузырьки и травы. Всё это надо было спрятать. Особенно зелья Малаши. Если дьяк узнает, сколько раз они взрывались, о жалованье можно забыть навсегда.

– Надо убрать зелья! – шепнул он Малаше, проходя мимо. – Если он узнает про взрывы...

– Куда? Куда их прятать? – спросила Малаша, округлив глаза.

– Я попробую открыть портал, – прошептал Корней, и в голосе его прозвучала решимость, которой он сам от себя не ожидал. – В запасник. Или куда-нибудь. Ненадолго.

– Портал? – удивилась Малаша. – Ты же не умеешь!

– Умею! – ответил Корней, хотя сам в это не очень верил. – Я как-то раз открыл. Случайно. А сегодня попробую специально.

Он закрыл глаза, поднял руки, начал шептать заклинание из древнего свитка. Это заклинание Корней учил, как только попал в монастырь. Слова были старыми, почти забытыми, но они сами складывались в нужном порядке, будто кто-то подсказывал их из глубины веков.

– Да разверзнется хлябь... да откроется путь... да уйдёт ненужное во тьму... да скроется до поры до времени...

В углу у печи, замерцал воздух. Сначала еле заметно, потом всё ярче и ярче. Из ничего возникло марево – тёмное, зыбкое, с мерцающими краями. Оно росло, расширялось, пока не превратилось в портал. Небольшой, размером с дверь, но настоящий.

– Получилось! – выдохнул Корней, и голос его дрогнул от неожиданности. Он и сам не верил, что у него получится.

– Куда он ведёт? – спросила Малаша, с опаской косясь на мерцающую дымку.

– Не знаю, – честно ответил Корней. – Но пусть туда уходят зелья. Быстро!

Малаша заметалась по избе, собирая пузырьки, горшки, склянки. Она складывала их в корзину, потом переносила к порталу, но всё боялась засунуть.

– А если они там взорвутся? – спросила она.

– Да пусть взрываются! – ответил Корней, оглядываясь на дверь, откуда уже доносились шаги дьяка. – Лишь бы не здесь!

– А если портал закроется? – спросила Малаша, замирая с корзиной в руках.

– Не закроется! – фыркнул Корней, теряя терпение. – Я его держу!

Дьяк в сенях закашлялся, что-то спросил у помощника. Голоса приближались.

– Быстрее! – прошептал Корней, покрываясь холодным потом. – Они идут!

Малаша перекрестилась, зажмурилась и сунула корзину в портал. Корзина исчезла в мерцающей дымке, даже не булькнув.

– Получилось? – спросила она, открывая глаза.

– Кажется, да, – ответил Корней, с облегчением выдыхая.

Портал мерцал, но держался. Корней уже собрался закрыть его, когда дьяк вернулся в избу.

Дьяк остановился на пороге, оглядел избу. Всё было на месте: стол, лавки, печь, икона в углу. Только корзины с зельями не было, и пузырьки исчезли со стола. Взгляд его стал подозрительным.

– А где ваши зелья? – спросил дьяк, щурясь. – Только что были здесь.

– Мы их убрали, – быстро сказала Малаша, стараясь говорить как можно увереннее. – Они так сильно пахнут, что работать мешают.

– Убрали? – переспросил дьяк, медленно обходя стол. – Куда?

– В кладовку, – ответил Корней, и в голосе его послышалась неуверенность. – За избой.

– За избой? – поднял бровь дьяк. – А ну покажи.

Корней побледнел. Малаша – тоже. За избой не было никакой кладовки. Это был откровенный обман. И старый, опытный дьяк, конечно же, понял это по их лицам.

– Там же темно, – сказал Корней, пытаясь выкрутиться. – И сыро. И...

– Ничего, я привычный, – перебил дьяк. – Я и не в таких местах бывал. Показывай.

Он шагнул к двери, но в этот момент незакрытый портал замерцал ярче. Марево вздулось, засветилось, привлекая внимание. Дьяк заметил и замер.

– А это что? – спросил он, указывая на мерцающий овал в воздухе.

– Ничего! – в один голос сказали Корней и Малаша.

– Это свет! – нашёлся Корней. – От печи! Лучи заходящего солнца отражаются!

– От печи? – переспросил дьяк с усмешкой. – Солнца? Ночью?

– Искры! – выпалила Малаша, понимая, как глупо это звучит. – Магические искры! Мы экспериментируем!

– Искры? – переспросил дьяк. – Ну-ну.

Он подошёл ближе к порталу, наклонился, заглянул в мерцающее марево. Края дымки лизнули его рукав, и ткань задымилась, но дьяк не заметил – так заворожён он был этим странным свечением.

– Странные искры, – сказал он задумчиво. – И пахнет чем-то знакомым. Грозой, что ли? Или серой?

– Не подходите близко! – крикнул Корней, чувствуя, что портал начинает пульсировать сильнее.

– А что, опасно? – спросил дьяк, поворачиваясь к нему.

И в этот момент Малаша, не выдержав напряжения, сделала роковой шаг назад. Она забыла, что на лавке у неё за спиной стоит тот самый пустой горшок – большой, глиняный,

с трещиной от прошлого взрыва. Она столкнула его и горшок покатился вниз. Но Малаша успела ухватить его за край. Руки её дрожали. Искры на пальцах разгорались ярким оранжевым пламенем. Она не могла их унять. Страх, паника, злость на себя, на дьяка, на всю эту проверку – всё это выплеснулось наружу. И горшок взорвался у неё в руках.

Не сильно, не так, как вчерашние щи. Но острые глиняные осколки разлетелись во все стороны. Один осколок угодил в стену. Второй – в лик Перуна. Третий – прямо в портал. И самый маленький, самый острый, самый опасный полетел в сторону дьяка.

Портал вздрогнул, замерцал ярче, расширился. Дьяк неосторожно наклонился, желая рассмотреть это диво поближе, и потерял равновесие. Он взмахнул руками, пытаясь удержаться, но было уже поздно. Ноги его скользнули по полу, и он полетел внутрь.

– Ой! – крикнул дьяк. – А-а-а-а-а!..

9

Луна спряталась за тучами. Звёзды не светили. И даже привычного уханья филина в лесу не было слышно. Казалось, сама природа затаилась в ожидании чего-то.

В избе было темно. Корней и Малаша сидели за столом, не зажигая огня. Печь давно остыла, но никто даже и не подумал подбросить дров. Ёж забился под лавку и не вылезал. Лягушка в сенях замолчала. Велес ушёл и так и не возвращался

Малаша сидела, обхватив колени руками, и смотрела туда, где ещё совсем недавно мерцал портал. Корней сидел рядом, теребил край грмоты, которую так и не смог дописать. Очки его сползли на нос, но он их не поправлял – не до того было.

– Корней, а если он не вернётся? – голос Малаши дрожал.

– Вернётся, – ответил Корней, но в его голосе тоже не было уверенности. – Велес обещал.

– А если нет? Если с ним что-то случилось?

Корней молчал. Он не знал, что ответить. Где-то далеко ухал филин. Луна выглянула из-за туч на мгновение, осветила пустую дорогу и снова спряталась. А Велес всё не возвращался.

Утро с серым моросящим дождём было в тон их настроению. Корней проснулся от того, что затекли шея и спина. Он так и просидел всю ночь за столом, положив голову на сложенные руки. Малаша спала на лавке, укрывшись тулупом, и во сне вздрагивала.

Велеса всё еще не было. Печь не топилась. В избе было холодно и сыро.

– Надо искать, – сказал Корней, растирая затёкшую шею. – Дьяка. Или хоть какие-то его следы.

Малаша села, поправила растрёпанные волосы.

– Где искать? Мы даже не знаем, куда он делся.

– Вокруг избы. Может, портал выбросил его недалеко. В лесу. В овраге. Где угодно.

Они вышли на крыльцо. Корней огляделся, прикидывая, с какой стороны начать.

– Разделимся? – спросила Малаша.

– Нет, – ответил Корней твёрдо. – Вместе. Так безопаснее.

Они обошли избу кругом, заглянули в огород. Обшарили сени, клеть, заглянули под крыльцо. Ничего и никого. Только в сенях старый лапоть Велеса валялся в углу. Тот самый, в котором бог жил. Но сам Велес тоже пока не появлялся.

Малаша присела на корточки, погладила лапоть.

– Дедушка, – прошептала она, – ну где же ты?

Лапоть не ответил.

Они пошли в лес. Дорожка, ведущая к Смородиновому мосту, была пуста. Только птицы перекликались в ветвях, да ветер шумел в листве. Корней шёл впереди, раздвигая ветки, то и дело оглядываясь на Малашу. Она шла следом, хмурая, сосредоточенная.

– Дьяк! – крикнул Корней в лесную тишину. – Дьяк Никодим! Ау!

Но ответа не было. Только эхо где-то далеко отозвалось и затихло.

– Дяденька дьяк! Вы где? Отзовитесь! – окликнула Малаша.

И снова ни звука в ответ. Они дошли до моста. Река Смородина шумела – мутная, быстрая.

– Может, его туда закинуло? – сказала Малаша, глядя на воду.

– Не знаю, – ответил Корней. – Но если бы закинуло, он бы точно не выжил.

Малаша побледнела.

– Не говори так, – тихо сказала она. – Он жив. Должен быть жив.

Они вернулись к избе к полудню. Усталые, голодные, промокшие. Малаша растопила печь, сварила кашу без зелий. Корней сидел за столом, перебирал свитки, но не работал. Только прислушивался к каждому шороху. Когда каша была готова, они ели молча, глядя в тарелки.

– Корней, – сказала Малаша, отодвигая пустую миску. – А что, если он не вернётся? Что тогда?

– Вернётся, – ответил Корней, но в голосе его прозвучало сомнение. – Велес обещал.

– А если Велес тоже не вернётся?

Корней не ответил. Он не знал, что сказать. За окном всё так же моросил дождь. И день тянулся бесконечно долго.

К вечеру дождь перестал, но ветер усилился. Малаша стояла у окна, смотрела на дорогу, надеясь увидеть знакомую фигуру – Велеса в лапте или дьяка с пиявкой на лице. Дорога была пуста.

Корней подошёл к ней. Долго смотрел на бледную, растрёпанную, с кругами под глазами девицу, и вдруг заметил, что она дрожит. Не от холода, от страха.

– Ты боишься? – спросил он.

– А ты нет?

– Боюсь, – признался Корней. – Очень.

– Тогда мы одинаковые, – сказала Малаша.

Она взяла его за руку. Он не отнял. Так и сидели, держась за руки, глядя на остывшую печь, и ждали. А Велес всё не возвращался.

Наступивший ясный солнечный день совсем не радовал. Корней вышел на крыльцо, прищурился от света, оглядел дорогу. Она была пуста. Вышел за ворота, прошёлся по околице, покричал:

– Эй! Есть кто?

Тишина. Только кузнечики стрекотали в траве, да птицы перекликались.

Малаша вышла следом.

– Бесполезно, – сказала она. – Мы уже всё обыскали ещё вчера.

– Надо ещё раз, – упрямо ответил Корней. – Может, вчера чего не досмотрели.

Они снова обошли лес, снова дошли до Смородинового моста, снова покричали. Никого. Ни дьяка, ни Велеса. Только ёж, который увязался за ними, фыркал и семенил следом.

К обеду Корней сдался. Сидел на лавке, опустив голову, и молчал. Малаша возилась у печи.

– Корней, – сказала она, не оборачиваясь. – А что, если мы никогда не узнаем? Что с ним случилось? Где он?

– Узнаем, – ответил Корней. – Велес...

– Велес ушёл! – перебила Малаша. – И не вернулся! Может, его тоже засосало? Может, мы больше никогда их не увидим?

Голос её дрогнул. Она повернулась, и Корней увидел – у неё на глазах слёзы.

– Малаша, – сказал он, подходя ближе. – Не плачь.

– А что мне ещё делать? – всхлипнула она. – Сидеть и ждать? С ума сойти от неизвестности?

Она вытерла слёзы рукавом, но они всё текли и текли.

– Я не хотела, – сказала она. – Честно. Я не хотела его засасывать. Горшок сам взорвался. Осколок случайно в него полетел. Я не виновата!

– Я знаю, – тихо сказал Корней.

Малаша закрыла лицо руками и заплакала. Её плечи тряслись. Она плакала навзрыд. Как тогда, в стогу сена, в ночь после изгнания с ярмарки и из дому. Но тогда у неё был только ёж. А теперь ещё есть и Корней.

Он не знал, что делать. Никогда не умел утешать. В библиотеке свитки не плакали. Но сейчас Корней стоял перед плачущей женщиной. Своей женой, пусть и понарошку, и чувствовал, что должен что-то сделать. Он протянул руку и несмело положил её на плечо Малаши.

– Не плачь, – повторил он. – Всё будет хорошо.

– Откуда ты знаешь? – спросила она сквозь слёзы.

– Не знаю, – честно ответил Корней. – Но мы что-нибудь придумаем.

Малаша подняла голову, посмотрела на его бледное лицо, треснутые очки, растрёпанные волосы и вдруг улыбнулась сквозь слёзы.

– Ты, книжник, утешать не умеешь, – сказала она. – Но всё равноспасибо.

– Пожалуйста, – ответил Корней.

И они снова сидели молча, держась за руки, и ждали. А Велес всё не возвращался.

Ночью Малаша не спала. Лежала на печи, смотрела в потолок и слушала, как дышит Корней. Он тоже не спал – ворочался на лавке, вздыхал, иногда что-то бормотал во сне.

«Что же будет? – думала Малаша. – Пропал дьяк. Пропал Велес. А мы – одни. И никто не придёт на помощь. Никто не подскажет, что делать».

Она вспомнила бабку-ведунью. Бабка говорила: «Судьба, внучка, она хитрая. Не всегда знаешь, куда она тебя выведет. Но если верить – выведет к добру».

«Верю ли я? – спросила себя Малаша. – Верю. В Корнея. В Велеса. В себя. В то, что дьяк жив».

Она повернулась на бок, свесила голову вниз. Корней лежал на спине с открытыми глазами и смотрел в потолок.

– Не спишь? – спросила она шёпотом.

– Не сплю, – ответил он.

– О чём думаешь?

– О том же, что и ты.

– О дьяке? – спросила Малаша.

– О нём. И о том, что будет, если не вернётся.

– А если не вернётся? – осторожно спросила Малаша.

– Тогда я пойду к Перуну, – ответил Корней. – Сам. Расскажу всё. Как было. Признаюсь в обмане. И попрошу за тебя.

– За меня? – удивилась Малаша. – А за себя?

– За себя мне не страшно, – сказал Корней. – Архивы подождут. А ты не должна страдать из-за меня. Из-за нашего договора.

Малаша помолчала.

– Ты хороший, – сказала она наконец. – Зануда, но хороший.

– Спасибо, – ответил Корней.

И вдруг в тишине с улицы донёсся какой-то шорох. Малаша приподнялась, прислушалась. Мышь? Ветер? Или чьи-то шаги?

– Корней, – прошептала она. – Ты слышал?

– Слышал, – ответил он, садясь на лавке. – Кто-то идёт.

Они замерли. Шаги приближались. Кто-то шёл по дороге – неторопливо, иногда прихрамывая, иногда шаркая.

– Это... – начала Малаша.

– Не знаю, – перебил Корней, вставая.

Шаги стихли у крыльца. Потом скрипнула дверь. Кто-то вошёл в сени. Малаша вскочила с печи. Корней подбежал к двери, ведущей из избы в сени, замер.

Дверь открылась. На пороге стоял Велес. В лапте, в растрёпанной свитке, с бородой, в которой запутались листья и какие-то травинки. Усталый, но улыбающийся.

– Ну что, молодые? – сказал он, входя в избу. – Заждались?

10

Малаша бросилась к Велесу, чуть не сбив его с ног, и крепко обняла.

– Дедушка! – воскликнула она. – Ты вернулся! А мы думали, что ты тоже пропал! Боялись, не вернёшься уже...

– Куда я денусь? – отмахнулся Велес, освобождаясь от объятий. –Я же бог. А боги не пропадают. Разве что иногда.

– А дьяк? – спросил оторопевший Корней. – Дьяк Никодим? Где он? Жив?

– А что с ним станется, книжник? – успокоил его Велес, усаживаясь на лавку. – У Кикиморы в гостях. Пиявки ставит, байки травит. Вернётся завтра.

– Он живой? – переспросила Малаша. – Точно?

– Точно, – сказал Велес. – Я своими глазами видел. Сидит у болота, пиявок на себе считает. Довольный. Говорит: «Вот и отдохнул, Велес, спасибо. Начальству доложу – очень полезное путешествие».

– Путешествие? – удивился Корней. – Он думает, что это путешествие?

– А что ему остаётся? – усмехнулся Велес. – Сидеть и плакать? Он – дьяк. Дьяки везде выживают. И из любой ситуации выходят с пользой для себя.

Малаша выдохнула с облегчением.

– А он никому не расскажет? – спросила она. – Про портал? Про то, что мы его туда засосали?

– Расскажет, конечно, – ответил Велес. – Но так, что начальство в восторге будет. Я уж позаботился об этом. Сказал ему, что это новая методика. «Духовное очищение через портальное перемещение». Здорово звучит? Он в восторге.

– А нас не накажут? – спросил Корней.

– За что? – удивился Велес. – За то, что вы ему новую методику показали? За то, что он три дня отдыхал и лечился? За то, что он вернулся бодрым и здоровым? Вас ещё отблагодарят. Если, конечно, отчёт правильно напишете.

Корней и Малаша переглянулись.

– Отчёт? – переспросил Корней.

– Отчёт, книжник, – сказал Велес. – Ему нужен отчёт. Хвалебный. Чтоб всё по правилам, по уставу, но с душой.

Он зевнул, потянулся.

– Всё, – сказал Велес. – Я спать. Устал. А вы пока порядок наведите. Дьяк завтра вернётся, надо встретить достойно.

Он забрался на печь, прикрылся лаптем и через минуту уже храпел – громко, по-божески, так, что стёкла в очках Корнея задрожали.

Корней и Малаша остались вдвоём. Сидели за столом, смотрели на огонь в печи и молчали.

– Живой, – воскликнула Малаша. – Слышишь? Дьяк жив.

– Живой, – повторил Корней. – И Велес вернулся.

– Значит, не всё потеряно.

– Не всё.

Она взяла его за руку. Он не отнял.

– Корней, – сказала Малаша. – А ты боялся?

– Боялся, – честно ответил он. – Очень.

– Я тоже, – призналась она. – Но теперь всё хорошо.

Она улыбнулась, и он тоже ей в ответ. А печь потрескивала, и в избе становилось тепло и уютно, как давно не было.

В избе было тихо. Корней проснулся рано. Мысли лезли ему в голову. Да одна тревожнее другой.

«А что, если Велес ошибся? – думал Корней, глядя в потолок. – Что, если дьяк не вернётся? Что, если нас посадят в тюрьму? Или лишат жалования? Или выгонят из избы? Или...»

Он не договорил. Сесть на лавке, поправил очки, глянул на печь. Малаша ещё спала, прижимая к себе ежа, лицо её было спокойным, будто и не было этих трёх дней страха.

Велес на печи заворочался, крякнул, приоткрыл один глаз.

– Чего не спишь, книжник? – спросил он сонно. – День впереди длинный. Силы беречь надо.

– Не спится, – ответил Корней. – Думаю. О дьяке. О том, что будет.

– Будет то, что будет, – философски заметил Велес. – А ты не каркай. Я же сказал: вернётся. Живой. Здоровый. Даже подружились мы с ним. Хороший мужик, этот Никодим. Душу нараспашку.

– А когда? – спросил Корней. – Когда он вернётся?

– К обеду, – ответил Велес и снова закрыл глаз. – А теперь спи. Успеешь ещё наволноваться.

Корней вздохнул, лёг, но не спал. Смотрел в потолок и думал. Думал о том, что было, и о том, что будет. Думал о Малаше, которая вчера плакала у него на плече. Думал о Велесе, который ходил ночью к Кикиморе. Думал о себе – о книжнике, который десять лет боялся выйти из библиотеки, а теперь боялся другого. Не выйти, а войти в новую жизнь, где всё было зыбко, неясно, страшно.

К полудню на дороге показалась телега. Малаша, которая всё утро простояла у окна, вглядываясь вдаль, вскрикнула, бросилась к двери. Корней поспешил за ней.

Телега медленно, со скрипом, ехала по дороге. В ней сидел возница, а рядом с ним – человек в казённом кафтане. Человек выглядел очень необычно. Весь в тине, в болотной траве, с пиявкой на щеке. Но при всём этом человек улыбался до ушей.

– Он! – закричала Малаша. – Он вернулся!

Корней смотрел и не верил своим глазам. Живой, здоровый, даже, кажется, повеселевший Дьяк Никодим сидел в телеге и что-то напевал себе под нос.

Телега подъехала к крыльцу. Дьяк, кряхтя, слез, отряхнулся. Тина при этом полетела во все стороны. Дьяку было всё равно. Он поправил кафтан и, прихрамывая, направился к избе.

– Здорово, молодые! – сказал он с порога. – А я к вам! За отчётом!

– Дяденька дьяк! Вы живы! – Малаша бросилась ему на шею.

– Жив-жив, – отмахнулся Никодим, освобождаясь от объятий. – У Кикиморы, знаете ли, хорошо! Тихо, спокойно, пиявки целебные... Я там три дня отдыхал, душой отдохнул, телом полечился. Кикимора свою самую лучшую пиявку дала. Три дня кровь тянула, теперь я как новый!

Корней смотрел на дьяка, на пиявку, на тину и вдруг рассмеялся. Сначала тихо, потом громче. Малаша посмотрела на него, потом на дьяка, и тоже захохотала. Смеялись они долго, до слёз, до колик в животе.

– Чего смеётесь? – обиженно спросил дьяк. – Хорошо же! Я, может, впервые за десять лет отдохнул! А они хохочут!

– Мы от радости, дяденька дьяк, – сказала Малаша, вытирая слёзы. – От радости!

– Заходите, – сказал Корней, открывая дверь. – Чай пить будем! И отчёт писать!

Малаша засуетилась, поставила самовар, достала мёд, пироги. Дьяк уселся за стол, отряхнулся. Последние остатки тины упали на пол, но никто не обратил внимания.

– Ох, хорошо! – сказал Никодим, отхлёбывая чай из кружки. – А у Кикиморы, знаете, одна вода болотная. Холодная, мутная, но больно полезная. Она говорит: «Пей, Никодим, это тебе нутро очистит». Ну, я и пил. Три дня. Теперь, наверное, как новенький.

– А как вы к ней попали?

– Так вы сами портал именно к ней открыли! – усмехнулся дьяк. – Я, правда, не сразу понял куда улетел. Думал – сгину. А потом гляжу – Кикимора сидит. Оказалось, очень душевная женщина, если к ней с уважением.

– И вы на нас не злитесь? – осторожно спросил Корней.

– Злиться? – удивился дьяк. – За что? Я ж отдохнул! Я ж душой очистился! Я ж теперь начальству докладывать буду, что вы – лучшие спасатели!

Он поставил чашку, достал из сумки свёрток бумаг. Развернул на столе – там лежал чистый свиток и чернильница.

– А теперь – к делу, – сказал он. – Отчёт надо писать. Хвалебный. Чтобы начальство ахнуло. И жалованье вам дали, и мне – премию. Садитесь, книжник, помогайте. Вы же учёный. Вам слова правильные писать – раз плюнуть. Пишите: «Отчёт о проверке кандидатов на жалованье Корнея Шелеста и Меланьи Искры»

Корней сел рядом, взял перо. Малаша примостилась с другой стороны и заглядывала через плечо, иногда подавала советы – дельные и не очень. Корней писал, дьяк диктовал. Иногда задумывался, иногда подправлял, иногда вставлял свои комментарии.

– Дальше: «В ходе проверки супруги продемонстрировали высочайший уровень магического мастерства, открыв портал для "духовного очищения" проверяющего».

– Духовного очищения? – переспросил Корней.

– Ну да, – подтвердил дьяк. – Так Велес сказал. Очень умно звучит. И начальство такое любит.

– А Велес тут при чём? – спросила Малаша, и глаза её сделались круглыми.

– Ни при чём, – спохватился дьяк. – Пишите, пишите. Не отвлекайтесь.

Корней выводил строчку за строчкой.

– Дальше: «Лично был отправлен к Кикиморе, где провёл три дня в медитациях и лечебных процедурах».

– Медитации? – спросил Корней, поднимая голову.

– Сидел на болоте, думал о вечном. Медитации, – важно сказал дьяк. – Умно.

– Лечебные процедуры – это пиявки? – спросила Малаша, прыская в кулак.

– Пиявки – это самое лекарственное, что есть в нашем мире! – обиделся дьяк. – Не смейтесь. Я теперь здоров как бык.

Корней вздохнул и продолжил писать.

– «Рекомендую увеличить содержание и одобрить грант».

– Написал.

– Теперь – приписка. Для особого впечатления.

Дьяк задумался, почесал затылок, потом просиял.

– Пишите: «П.С. Пиявки очень помогают от геморроя».

Корней замер.

– Это... это обязательно?

– Обязательно! – сказал дьяк. – Начальство это уважает. Особенно старшие дьяки. У них, знаете, сидячая работа. Очень актуально.

Корней вздохнул, дописал. Малаша заглянула, прочитала, прыснула.

– Корней, а ты уверен, что...

– Дьяк сказал – надо. Значит, надо.

Дьяк взял свиток, перечитал, одобрительно кивнул. Он поставил свою подпись, свернул свиток, перевязал бечёвкой.

– Всё, – сказал он. – Завтра же в Приказ это отправлю. А сегодня отдыхать буду. И вам советую.

– А вы нам поможете? – спросила Малаша. – С повышением содержания?

– Помогу, – кивнул дьяк. – У меня там, в Приказе, свои люди есть. Скажу пару слов. По-свойски.

Он встал, потянулся, зевнул.

– А сейчас – спать. Устал я. Три дня пиявок – это, знаете, тоже нагрузка на организм.

Он поклонился, вышел, уехал. Пиявка на его лице всё ещё висела, но он, казалось, её не замечал.

Корней и Малаша остались стоять на крыльце, глядя вслед уезжающей телеге.

– Живой, – сказала Малаша.

– И довольный, – добавил Корней.

Они засмеялись. Велес спустился с печи, потягиваясь.

– Ну что? Всё в порядке?

– Всё, – ответил Корней. – Отчёт написан, дьяк доволен, премия обещана.

– Молодцы, – сказал Велес.

За окном, на западе, полыхнуло. Белым, холодным, пульсирующим светом. Не молния – другой свет, древний, тяжёлый, давящий на плечи, на голову, на душу.

Корней вскочил, подошёл к окну. Малаша – за ним.

– Что это? – спросила она, вглядываясь в ночь.

– Не знаю, – ответил Корней. – Но что-то там происходит.

– Гроза божеская, – сказал Велес спокойно, но в его голосе прозвучало что-то новое. – Перун гневается.

11

В избе было душно, печь потрескивала.

– Перун? – переспросил Корней, поворачиваясь к Велесу.

– Идёт. Чую, – кивнул Велес, приоткрывая один глаз.

Он сел на печи, свесил ноги, поправил бороду и посмотрел на окно.

– Ну что, молодые? Боитесь?

– А надо? – спросил Корней, чувствуя, как холодеют пальцы.

– Надо, но не сильно, – ответил Велес. – Перун – он грозный, и дураков не любит. Покажете страх – заклюёт. Спиной повернётесь – тоже несдобровать. Держитесь вместе. И не вздумайте прятаться. Я же с вами.

Он спустился с печи, подошёл к окну. За лесом уже полыхало. Молнии били одна за другой, освещая небо белым, лиловым, багровым. Грома ещё не было, но воздух дрожал, и в избе мелко подрагивала посуда на полках.

– Здравствуй, старый знакомый, – тихо сказал Велес. – Всё такой же – громкий, яркий, без терпения. Тыщу лет прошло, а ты как всегда: сначала молния, потом вопрос. Ну что ж, встретим. Поговорим. По-свойски.

Он повернулся к Корнею и Малаше. Те стояли рядом, бледные, но держались. Ссутулившийся Корней в треснутых очках, сжимал в руке свиток, будто тот мог его защитить. Растрёпанная Малаша, с ежом за пазухой, прижималась к Корнею плечом.

– Слушайте меня, дети, – сказал Велес. – Не выходите из избы. Что бы ни кричал Перун, что бы ни обещал – сидите внутри. Поняли?

– А вы? – спросил Корней.

– А я выйду, – ответил Велес. – Поговорю с ним по свойски. Старые друзья, старые враги – всё едино. Поговорим, и разойдёмся.

– А если он вас ударит? – спросила Малаша.

– Меня? – усмехнулся Велес. – Не впервой. Мы с ним тысячу лет...

Он натянул лапоть на ногу, поправил рубаху, вздохнул.

– Эх, пенсия, пенсия... А всё равно – не до отдыха. Ну, Перун, встречай. Старых друзей не забывай.

В это время с неба грянуло. Гром был такой силы, что изба сотряслась, зазвенели стёкла, ёж подскочил на лавке, лягушка в сенях квакнула от страха. Малаша вскрикнула, Корней схватил её за руку. Велес усмехнулся, открыл дверь, вышел на крыльцо.

Ветер рвал ветки, кружил пыль, бросал в лицо первые крупные и холодные капли дождя. Над лесом, прямо над избой, висела чёрная туча с золотой каймой. В ней клубились молнии, сверкали, перекатывались, но не били. Словно ждали чего-то или кого-то.

– Ну, здравствуй, Перун! – крикнул Велес в небо. – Давно не виделись! Чего пожаловал? Громы-молнии попусту тратишь?

Туча ответила, но не громом, а голосом. Тяжёлым таким.

– Велес! – загремел Перун. – Выходи на честный бой!

Велес вздохнул, поправил бороду, сложил руки на груди.

– Какой бой, Перун? Тыщу лет уже воюем. Надоело. Я на пенсии, у меня спина болит, лапоть дырявый. Дай отдохнуть. Тебе бы тоже не мешало. Вон, в Приказе засиделся, даже молнии у тебя стали какие-то нестрашные.

– Не смей! – загремел Перун. – Мои молнии – самые сильные! Я – громовержец! Я – главный!

– Главный? – усмехнулся Велес. – А что ж ты тогда в Приказе сидишь, бумаги перебираешь? Раньше ты по небу скакал, тучи разгонял, а теперь – дьяков учишь, как жалование раздавать. Скучно тебе, Перун. Скучно. Вот ты и злишься.

В туче заклокотало, молнии заметались.

– Не смей! – закричал Перун. – Не смей напоминать! Я здесь – главный! Я – громовержец! Я...

– Ты – начальник Приказа, – спокойно ответил Велес. – Бюрократ. И ничего больше. А люди – они живые. И эти двое – тоже живые. И я – живой. Давай, Перун, не позорься. Уходи по-хорошему. А потом чай пить приходи. Без гроз.

Туча взревела, и первая молния ударила в землю в трёх саженях от крыльца. Земля вздрогнула, изба качнулась.

– Не учи меня, Велес! – загремел Перун. – Я – бог! Я...

– Бог? – перебил Велес. – А боги разве в Приказе сидят? Боги – в небе. А ты – в канцелярии. Вот и думай.

В избе было темно и страшно. Малаша сидела на лавке, прижимая к себе ежа, Корней стоял рядом, держа её за руку. За окном полыхало, грохотало. Голос Перуна гремел так, что, казалось, небо падает на землю.

– Корней, – дрожа, спросила Малаша, – а что там? Что он говорит?

– Он гневается, – ответил Корней. – На Велеса. На нас.

– А если он ударит? Если изба сгорит, и мы вместе с ней?

– Не ударит, – сказал Корней, хотя сам в это не верил. – Велес не даст.

Малаша посмотрела на него, такого бледного, трясущегося, и улыбнулась.

– Ты сам-то веришь в то, что говоришь?

– Не очень, – честно ответил Корней. – Но деваться некуда.

– Тогда держись.

Она крепче сжала его руку. А он её. И в этот момент в окно ударила яркая, ослепительная молния. Изба осветилась, будто внутри зажгли тысячу свечей.

– Ой! – вскрикнула Малаша.

– Держись! – крикнул Корней.

Молния ударила в печь. Удивительно, но печь не загорелась, не развалилась, а будто бы отскочила. Белый огонь скользнул по беленым кирпичам, свернулся в клубок и ушёл в трубу, не причинив вреда. Только искры посыпались во все стороны, да по избе пронёсся горячий ветер.

– Как это? – выдохнул Корней.

– Велес, видать, на совесть починил, – ответила Малаша.

Они переглянулись, и страх немного отступил.

– Что? Я промахнулся? Не может быть! Мои молнии не промахиваются! – раздался снаружи раздражённый и злой голос Перуна.

– Промахиваются, громовержец. Когда печь богом сложена. А я – бог. Хоть и на пенсии, - послышался в ответ насмешливый голос Велеса.

Корней и Малаша стояли у окна, вглядываясь в темноту. Видно было плохо, но голоса богов доносились отчётливо.

– Не испытывай терпение, Велес! – гремел Перун. – Я могу! Я...

– Что ты можешь? – перебил Велес. – Сжечь избу? Убить людей? А потом что? Люди возьмут и помолятся. Но не тебе, а Макоши, мне, Сварогу. И ты останешься один. Как перст. Никому не нужный громовержец.

Тишина. Туча замерла. Молнии перестали метаться, только глухо ворчал гром.

– Ты всегда так, Велес, – сказал Перун, уже тише. – Только слова говоришь. А я дела делаю.

– Дела? – усмехнулся Велес. – А ты посмотри на них. На книжника, который десять лет в библиотеке сидел, а портал открыл. На девку, которая хоть зелья взрывает, а бабок от тоски лечит. Вот они дела творят. Пусть кривые, пусть косые, но творят. А ты? Сидишь в Приказе, бумаги перебираешь, молниями пугаешь. Где твои дела? Где твои подвиги?

Туча вздохнула. Гром смолк. Дождь, что собирался всё это время, начал накрапывать, но как-то тихо, мирно, без злобы.

– Ты не прав, Велес, – сказал Перун. – Я за порядок. За закон. За...

– За страх, – закончил за него Велес. – А любовь? А вера? А чудо? Их в твоём уставе нет.

– Не учи меня! – вскрикнул Перун, но в голосе его уже не было прежней силы. – Я ещё вернусь!

В туче сверкнуло в последний раз, и она нехотя начала отходить. Молнии били уже далеко, за лесом, и гром ворчал глухо, удаляясь.

– Возвращайся, Перун, – крикнул ему вслед Велес. – Чай пить будем. С мёдом. Малаша пироги печь уже научилась. А пока – бывай!

Он подождал, пока туча скроется за лесом, потом отряхнулся и вошёл в избу.

Велес вошёл в избу, закрыл за собой дверь.

– Ну что, молодые? – спросил он. – Живы?

– Дедушка! – Малаша бросилась к нему. – А ты? А он?

– Жив, жив, – отстранился Велес. – Куда я денусь. Перун – он грозный, но отходчивый. Погневался и ушёл. Сказал, вернётся. Ну и пусть. Чай пить будем.

– А зачем он приходил? – спросил Корней.

– Проведать, – ответил Велес. – Показать, что он тут главный. Но мы ему показали, кто главный в этой избе.

Он посмотрел на печь. Печь стояла целая, даже трещинки не появилось. Только на стене, за печкой, остался чёткий выжженый знак в виде молнии.

– А это? – спросил Корней, указывая на знак.

– Это память, – сказал Велес. – Чтоб не забывали: боги есть. И за вами следят. Но не бойтесь. Я же с вами.

Малаша подошла к стене, потрогала знак. Он был тёплый, но не обжигал.

– Дедушка, – спросила она, – а он ещё вернётся?

– Вернётся, – кивнул Велес. – Обязательно. Чаю попить.

Велес забрался на печь, вытянул ноги, прикрылся лаптем. Малаша зажгла лучину, поставила самовар. Корней сел за стол, но работать не мог. Всё смотрел на знак на стене, на печь, на Велеса.

За окном что-то сверкнуло. Не молния, а другой свет. Золотой, тёплый. И в этом свете, на мгновение, показалось лицо Макошь.

– Не бойтесь, – голос был тихий, но прозвучал словно гром. – Я буду с вами. Я всегда с вами. И нити ваши в моих руках.

Лицо исчезло. Свет погас. На стене, за печкой, выжженный знак Перуна замерцал и потускнел, словно признавая: есть сила выше гроз.

12

Малаша слезла с печи и вышла на крыльцо. Воздух после грозы был свежий, чистый, пахло мокрой землёй, хвоей и чем-то сладким, незнакомым.

– Что это? Мёдом пахнет? Или цветами? – принюхалась Малаша.

Она сошла с крыльца, обошла избу. Огород, как огород. Только грядка всего одна – с репой. Огромная, корявая, вся в шишках. Интересный экземпляр, по словам Корнея. Вот только этот экземпляр немножечко изменился.

Малаша ахнула. Репа, которая вчера еле-еле поднималась над грядкой, вымахала чуть ли не до пояса. Ботва её, зелёная, сочная, тянулась к небу, а жёлтый, пузатый, с забавными наростами, похожими на уши, корнеплод торчал из земли, будто бы высматривая, что там вокруг делается.

– Тю! – воскликнула Малаша. – Да ты никак выросла!

Она присела на корточки, потрогала репу. Та была тёплая, и, когда Малаша дотронулась до неё, слегка вздрогнула.

– Ой! – испуганно отдернула руку Малаша. – А ты живая что ли?

Репа не ответила. Только чуть качнулась, словно от ветра. Вот только ветра не было.

– Корней! – закричала Малаша. – Корней, иди сюда! Скорее!

Корней выскочил на крыльцо в чём спал.

– Что? – спросил он спросонья. – Опять гроза? Перун вернулся?

– Хуже! – ответила Малаша. – Твоя репа ожила!

– Ожила? – Корней потёр глаза. – В научной среде таких случаев не зафиксировано…

– Да иди ты со своей научной средой! – перебила Малаша. – Гляди!

Корней надел очки и подошёл к грядке. Посмотрел. Потрогал репу. Та снова вздрогнула.

– Вот это да... – благоговейно прошептал Корней. – Это же биостимуляция! Или магическая мутация! Открытие, в общем!

Он вытащил из кармана клочок бересты, начал что-то писать, бормоча под нос.

– Объект: репа обыкновенная, подвергшаяся воздействию. Вот только какому воздействию? Может, остаточной магии после грозы? Или зелья, которое ты вчера пролила?

– Я не проливала! Ну, может, чуть-чуть... – Малаша виновато опустила глаза.

– Какое зелье? – Корней поднял голову и посмотрел на неё строго.

– Зелёненькое, – тихо ответила Малаша. – От тоски. Оно, когда на землю попадает, всё растёт быстрее. Я хотела цветы полить, а видно случанйо на репу попало.

Пока Малаша оправдывалась, репа продолжала расти. Прямо на глазах. Корней заметил это первым. Его глаз учёного уловил движение.

– Малаша! – крикнул он. – Она ещё растёт!

– Кто? – не поняла Малаша.

– Репа! Смотри!

Они уставились на грядку. Репа, которая только что была чуть выше пояса, теперь доросла до груди. Ботва её шевелилась, тянулась к солнцу, и на листьях появились маленькие золотистые капельки, пахнущие мёдом.

– Ох ты... – выдохнула Малаша. – Она как на дрожжах растёт!

– Скорость роста – примерно вершок в минуту, – бормотал Корней, лихорадочно записывая. – Небывалый случай! Это нужно зафиксировать!

– Зафиксируешь потом! – сказала Малаша. – Давай её выкопаем, пока она...

Договорить она не успела. Репа дёрнулась, вылезла из земли ещё на четверть, и из-под неё показались длинные, шевелящиеся корни.

– Она вылезает! – ахнул Корней.

– Куда? – Малаша попятилась.

– Не знаю! – Корней в ужасе смотрел на репу. – В научной литературе таких случаев не описано...

– Да к чёрту твою литературу! – крикнула Малаша. – Хватай её!

Она бросилась к репе, схватила её за ботву. Репа дёрнулась и вырвалась из её рук. Теперь они могли рассмотреть корнеплод. Огромный, жёлтый, пузатый, с двумя наростами, похожими на глаза, и одним, напоминающим рот.

– У неё лицо есть! – выдохнула Малаша.

– Не лицо, – поправил Корней, – а особенности формы!

Репа, словно обидевшись, мотнула ботвой и побежала. Да, побежала. Корни её, похожие на ноги, задвигались, и репа, неуклюже переваливаясь с боку на бок, покатилась к забору.

– Ой! – закричала Малаша. – Корней, она убегает!

– Не может быть! – Корней схватился за голову. – Корнеплоды не обладают локомоцией!

– А эта обладает! Догоняй!

Корней, забыв про научную сдержанность, бросился за репой. Малаша – за ним. Репа, уже шустро переваливаясь, проскочила под забором и скрылась в лесу. А за ней следом потянулись её соседки по грядке.

Малаша остановилась, тяжело дыша.

– Убежала...

– Это же невозможно... – Корней уткнулся руками в колени, пытаясь отдышаться.

– А может, это к лучшему? – предположила Малаша.

В этот момент из избы высунулся Велес, заспанный, с лаптем в руке.

– Чего шумите? – спросил он. – Репа, говорите, убежала? Ну и ладно. Не нужна нам говорящая репа. Своих разговоров хватает.

Корней и Малаша вернулись в избу, отряхиваясь. Корней сразу сел за стол, разложил свитки, начал что-то быстро писать и зарисовывать сбежавшую репу. Малаша сидела рядом, заглядывала через плечо.

– Объект: репа обыкновенная, – бормотал Корней, – подвергшаяся воздействию зелья «от тоски». Проявила способность к локомоции, не характерную для корнеплодов...

– Ты бы проще написал, – посоветовала Малаша. – «Репа убежала». И всё.

– Это не научно, – строго ответил Корней.

– Зато правдиво.

В этот момент в дверь постучали. Негромко, но требовательно. На пороге стоял мужик – крепкий, в лаптях, с топором за поясом, лицо красное, взволнованное.

– Здорово, хозяева! – сказал он. – Вы, говорят, те самые, что жалованье получили? Спасатели?

– Мы, – ответила Малаша. – А что случилось?

– Беда у нас! – мужик всплеснул руками. – Разбойники в лесу объявились! Соловья-Разбойника подручные! Третьего дня село ограбили, а сегодня, слышь, к нам идут! Воевода наш собрал мужиков, да их – тьма-тьмущая, а нас всего ничего!

Корней побледнел. Малаша – тоже.

– А вы к нам зачем? – спросил Корней.

– Так вы ж спасатели! – удивился мужик. – Вам жалованье дали! Вы должны нам помочь!

– Помочь? – переспросила Малаша. – А как?

– А я откуда знаю? – развёл руками мужик. – Вы ж маги! Вот и смагичьте чего-нибудь!

Он поклонился и убежал, оставив их на крыльце.

– Смагичьте... – повторил Корней.

– А что мы можем? – вздохнула Малаша. – Зелья мои взрываются, твоя магия всё замораживает.

– И порталы открывает, – добавил Корней. – Которые неизвестно куда ведут.

– А может, и не надо ничего? – с надеждой спросила Малаша. – Может, разбойники сами...

– Сами не уйдут, – покачал головой Корней. – Их много. А в селе – женщины, дети, старики...

Они помолчали. Из избы вышел Велес, потянулся.

– Слышал, – сказал он. – Разбойники, значит. А вы – спасатели. Что ж, пора вам за дело браться.

– Дедушка, – взмолилась Малаша, – но мы же не умеем!

– Умеете, – перебил её Велес. – Только не знаете, что умеете. Идите в лес. Посмотрите, что там с репой. Авось и пригодится вам беглянка.

Малаша и Корней пошли в лес. Было сыро после грозы, ветви хлестали по лицу, корни путались под ногами. Корней спотыкался, терял очки, Малаша их поднимала и ругалась. И вдруг лес расступился. Они вышли на поляну. И замерли.

На поляне, посреди высокой травы, стояли репы. Много реп. Два десятка, не меньше. Они стояли на корнях, покачивались, шевелили ботвой, и все они были с лицами.

– Их как-то очень много, – выдохнул Корней.

– Это та, первая, размножилась? – предположила Малаша. – Или её подруги прибежали?

– Не знаю, – ответил Корней. – Но это невероятно! Целая колония! На грядке их точно столько не было.

Он вытащил бересту, начал зарисовывать. Малаша дёрнула его за рукав.

– Потом будешь рисовать! – сказала она. – Нам разбойников останавливать надо!

– А чем? – поднял голову Корней. – Репами?

– А почему бы и нет?

Малаша подошла к ближайшей репе, присела, погладила её по ботве.

– Слушай, репка, – прошептала она. – Ты же выросла из моего зелья. Из зелья от тоски. Ты – добрая. Помоги нам. Там, в лесу, разбойники идут. Плохие люди. Они село хотят ограбить. Помоги!

Репа вздрогнула, покачнулась, и побежала. Да не одна. Все репы устремились туда, откуда доносился шум.

– Они поняли? – удивился Корней.

– Похоже, да! – закричала Малаша. – Бежим за ними!

А в это время на лесной дороге, что вела к селу, показались разбойники. Шли они с шумом, с гиком, с топотом, кто с дубиной, кто с ножом, кто с рогатиной. Впереди – атаман, здоровенный, в медвежьей шкуре, с лицом, изрезанным шрамами.

– Ну, мужики! – закричал атаман. – Село вон там, за поворотом! Там и бабы, и харчи, и мёд! Гулять будем!

Разбойники одобрительно загудели.

И тут из леса выкатилось что-то жёлтое, большое, пузатое. Атаман не успел и глазом моргнуть, как эта штука врезалась ему прямо в ноги. Он охнул, покатился по земле, выпустив дубину.

– Что за... – начал он, но не договорил.

Из леса выкатилась вторая репа, третья, десятая. Целая армия жёлтых, пузатых корнеплодов неслась на разбойников, как таран.

– Атаман! – закричал один из разбойников. – Репы!

– Какие репы?! – заорал атаман, пытаясь встать.

Репы налетели на разбойников, сбивали их с ног, путались под ногами. Один разбойник попытался ударить репу топором. Но топор застрял в корнеплоде, и взбешённая репа подскочила и ударила его ботвой по лицу. Разбойник упал.

– Они живые! – закричал кто-то.

– Это колдовство! – заверещал другой.

– Назад! – скомандовал атаман. – Назад! В лес!

Но бежать было некуда. Репы окружили их, сбивали в кучу, топтали корнями, били ботвой. Разбойники кричали, молили о пощаде, бросали оружие.

Когда последний разбойник рухнул на землю, из леса вышли Малаша и Корней. Запыхавшиеся, растрёпанные, но гордые.

– Вот вам и спасатели! – объявила Малаша.

– Вот вам и репа! – добавил Корней.

Атаман, который лежал лицом в грязи, поднял голову.

– Вы кто? – спросил он.

– Мы – Корней и Меланья, – ответила Малаша. – Кандидаты на государево жалованье. А это наши боевые репы.

Репы, услышав похвалу, выстроились в ряд, покачиваясь и довольно шурша ботвой.

В село они вернулись под вечер. Связанных разбойников вели подоспевшие мужики. Репы шли следом. Два десятка жёлтых, пузатых, гордых собой корнеплодов.

У околицы их встречал воевода.

– Спасибо вам, добрые люди! – сказал он, кланяясь. – Спасибо, что спасли село! А это что за воинство?

– Это репы, – ответила Малаша. – Наши. Они помогли.

– Репы? – удивился воевода.

– Репы, – подтвердил Корней. – Учёные. Боевые. Они, так сказать, экспериментальные.

Воевода поклонился низко.

– Примите благодарность от всего села! – сказал он. – И от меня лично. И гостинцы – мёд, сало, хлеб. А разбойников мы в Приказ отправим. Пусть знают, как на наши земли ходить!

Велес встретил их на крыльце, улыбаясь.

– Ну что, спасатели? – спросил он. – Управились?

– Управились, – кивнула Малаша. – Репы помогли.

– А я что говорил? – Велес хлопнул себя по колену. – Не знаете, что умеете. А умеете – много. Ну, молодёжь, удружили! Я этих разбойников ещё при Ярославе знал! Всю жизнь грабили, а тут – от реп побежали! Вот это я понимаю – подвиг!

Корней и Малаша переглянулись и засмеялись.

Вечером, когда всё успокоилось, они сидели за столом. Корней в свитках записывал всё, что случилось. Малаша сидела рядом с ежом на коленях. Велес на печи прикрылся лаптем.

– Случай первый, – читал вслух Корней. – Объект: репа обыкновенная, мутировавшая под воздействием зелья от тоски. Проявила свойства, не характерные для корнеплодов: локомоция, социальное поведение, агрессия по отношению к вооружённым целям...

– Ты бы проще написал, – посоветовала Малаша. – «Репа разбойников побила».

– Это не научно, – возразил Корней.

– Зато честно.

Она улыбнулась, придвинулась ближе. Корней снял очки, протёр их.

– Малаша... – сказал он. – А ты не жалеешь? Что всё это случилось? Что мы здесь?

– Жалею? – удивилась Малаша. – О чём?

– Ну, репа убежала. Зелье пропало. Вмешались не туда...

– Корней, – перебила она. – Мы спасли село. Репами. Это же чудо! Настоящее! Нам за такое жалованье дадут обязательно!

– Ты думаешь? – с надеждой спросил Корней.

– Я знаю, – твёрдо ответила Малаша.

Она положила руку на его, сжала. Он не убрал. Велес на печи крякнул, но промолчал. Только улыбнулся в бороду.

«Ну вот, – подумал он. – Первое чудо. И не последнее. А они всё ещё не понимают, что оно – не в репе, не в зелье, а в них самих. Но поймут. Обязательно».

13

Вчерашняя победа всё ещё грела душу. Малаша ходила гордая, Корней – смущённый, но довольный.

– Репы наши, репы, славные победы... – напевала Малаша, помешивая кашу.

– Ты бы лучше отчёт помогла писать, – сказал Корней, не поднимая головы. – Перун отчёт от нас ждёт.

– Перун подождёт, – отмахнулась Малаша. – У нас теперь репутация! Нас всё село знает!

– Репутация – это хорошо, – подал голос Велес с печи. – Но и о делах забывать нельзя. Перун, он хоть и грозный, а отчёты любит. Особенно с цифрами.

Корней вздохнул, снова склонился над свитком. Малаша села рядом, заглянула через плечо.

– Корней, – спросила она, – а что это у тебя за светец? Весь в пыли, в паутине. Давно не чистил?

– Светец? – Корней поднял голову. – А, я его ещё из монастыря принёс. Давно не работает, а починить всё руки не доходили...

– А давай я его почищу-починю? – предложила Малаша. – Может, заработает?

– Ты? – удивился Корней.

– А что? – Малаша усмехнулась. – Я – ведунья! Огонь – моя стихия!

– Дай ей, книжник, – сказал Велес с печи. – Пусть попробует. Вдруг получится.

Корней пожал плечами, протянул светец. Малаша взяла его, начала протирать тряпицей, сдувать пыль.

Малаша возилась со светцом, чистила, дула, иногда подносила к глазам. Корней сидел рядом, наблюдал, иногда давал советы.

– Корней, а как он работает? – спросила Малаша.

– По идее – на магии, – ответил Корней. – Должен светиться, когда в него силу влить. Но я в нём так и не разобрался.

– А если я?

– Что ты?

– Волью в него силу, – сказала Малаша. – Может, заработает.

Она закрыла глаза, сосредоточилась. На кончиках пальцев заискрилось – оранжевое, красное, живое пламя. Она коснулась светца.

Светец вспыхнул. Так ярко и ослепительно, что Малаша зажмурилась, Корней отшатнулся. А потом этот свет погас. Но светец не потух. Он замерцал, засветился ровным, тёплым светом.

– Получилось! – радостно воскликнула Малаша.

– Получилось? – переспросил Корней. – Дай посмотреть!

Он взял светец, повертел в руках. Свет лился ровный, приятный, не мигал.

– Это же замечательно! – сказал Корней. – Теперь можно работать по ночам!

– А я что говорила! – гордо ответила Малаша. – Я – ведунья!

– Молодец, девка, – сказал Велес с печи. – Только ты уверена, что он только светит?

Малаша и Корней переглянулись. Посмотрели на светец. Свет лился ровно, тепло, уютно. Но он ещё и расползался. По избе, по стенам, по потолку. Тёплый, золотистый, он обволакивал всё вокруг.

– Корней... – тихо спросила Малаша. – Что это?

– Не знаю, – ответил Корней. – Но, кажется, это не только свет.

Свет становился всё гуще, плотнее. Он обволакивал лавки, стол, печь, иконы. И вдруг Малаша перестала видеть свои руки. Потом – Корнея. Потом – избу.

– Корней! – испуганно крикнула Малаша. – Ты где?

– Я здесь! – раздался его голос рядом. – Но я тебя не вижу!

– И я тебя не вижу! – сказала Малаша. – Это что?

Голос Велеса с печи прозвучал спокойно, даже насмешливо:

– Невидимость, девонька. Ваш светец создал поле невидимости. Вся изба – невидима снаружи. А вы внутри – как в тумане.

Малаша ощупью двинулась к окну. Окна не было. Или оно было, но его не видно. Она протянула руку и наткнулась на стену.

– И что теперь? – спросила она.

– А ничего, – ответил Велес. – Ждать, пока рассеется.

Малаша и Корней сидели на лавке, прижавшись друг к другу, и смотрели в никуда. Вокруг было светло. Свет от светца лился ровно, но ничего не было видно, кроме этого света. Ни стен, ни стола, ни печи. Только голоса.

– Корней, – спросила Малаша, – а ты уверен, что мы в избе?

– Я уверен, что сижу на лавке, – ответил Корней. – Потому что подо мной лавка. А где она находится – не знаю.

– Странное чувство... – сказала Малаша. – Будто мы нигде.

– В научной среде это называется...

– Не надо науки, – перебила Малаша. – Просто скажи: это надолго?

– Не знаю, – ответил Корней. – Светец – старая вещь. Может, час, может, день.

Они помолчали. В тишине было слышно, как ёж фыркает под лавкой, как лягушка квакает в сенях, как Велес на печи переворачивается.

– Корней, – снова заговорила Малаша, – а если кто-то придёт? Увидит, что избы нет?

– Никто не увидит, – ответил Корней. – Мы – невидимы.

– А если разбойники?

– Не увидят.

– А если Кощей?

Корней не ответил. И в этот момент снаружи послышался шум. Тяжёлый топот, лязг железа, скрип телег. Много. Очень много.

– Корней... – прошептала Малаша. – Ты слышишь?

– Слышу, – так же шёпотом ответил он. – Это... это...

– А это, дети, армия Кощея, – спокойно сказал Велес с печи. – Идёт мимо. Невидимость нам сейчас очень кстати.

Шум приближался. Топот копыт, лязг оружия, хриплые голоса. Малаша и Корней сидели не дыша, прижавшись друг к другу. Свет от светца лился ровно, но снаружи его не было видно – поле невидимости держалось крепко.

– Дедушка, – шёпотом спросила Малаша, – а они нас увидят?

– Не увидят, – ответил Велес. – Светец – штука старая, надёжная. Я такие ещё при Ярославе делал. Кощей, он хоть и бессмертный, а магию нашу не различает.

– А если они в избу войдут? – спросил Корней.

– Не войдут, – ответил Велес. – Им не до нас. У них, видать, поход большой. На село, наверное, идут. Или на стольный град. А мы – на отшибе. И невидимые.

Малаша ощупью двинулась к окну. Встала на цыпочки, прислушалась. Голоса были уже совсем близко.

– Эй, десятник! – раздался хриплый голос. – А здесь вроде изба была?

– Была, была, – ответил другой голос. – Я помню, тут изба стояла. Лешего, что ли?

– А сейчас нет. Может, сгорела?

– Может. Или Кощей велел снести. Он тут дорогу новую проложить хотел.

– Ну и ладно. Меньше народу – больше места.

Топот стих. Голоса удалились. Малаша выдохнула.

– Ушли... – сказала она.

– Ушли, – подтвердил Корней. – И нас не заметили.

– А что вы хотели? – усмехнулся Велес. – Невидимость – она на то и невидимость. Хорошая вещь. Жаль, что редко получается.

Малаша подошла к окну, выглянула. Поле невидимости уже начинало рассеиваться – изба проступала из тумана, сначала стены, потом печь, потом лавки. А за окном, на дороге, ещё виднелась пыль – след от ушедшей армии.

– Дедушка, – сказала Малаша, – а они же на село идут! На людей!

– Идут, – спокойно ответил Велес. – Но вы их не остановите. Их – тьма. А вас – двое.

– Но мы же спасатели! – возразил Корней. – Мы должны...

– Должны? – перебил Велес. – А что вы можете? Репы – и те в лесу. А тут – армия. Вооружённая. Опасная.

– Но мы же не можем просто сидеть! – воскликнула Малаша.

– Можете, – твёрдо сказал Велес. – Потому что ваше дело сейчас – не воевать, а учиться. И ждать. Время придёт – и вы поможете. А пока – радуйтесь, что сами уцелели.

– Дедушка, – спросила Малаша, – а мы, правда, ничего не могли сделать? Спасти село?

– Не могли, – ответил Велес. – Но и не надо. Армия Кощея прошла мимо. Не до вас им. И не до села – у них цель другая. А вы пока живите. Учитесь. Чудеса творите. Всё пригодится.

Вечером, когда солнце уже садилось, к избе подъехал всадник в богатом кафтане, с гербом на груди, конь под ним белый, в яблоках.

– Корней Шелест и Меланья Искра? – спросил всадник, слезая с коня.

– Мы, – ответил Корней. – А вы?

– Из Приказа, – сказал всадник. – С наградой. За невидимость.

Малаша и Корней переглянулись.

– За какую невидимость? – спросила Малаша.

– За ту, что вы армию Кощея провели, – ответил всадник. – Разведчики наши доложили: армия шла, а вашу избу не заметили. Прошли мимо и с пути правильного свернули из-за вашей избы. В засаду попали. Значит, ваша магия сработала. Перун узнал – велел наградить.

Он достал из-за пазухи мешочек, протянул Корнею. Там были монеты. Серебряные. Много.

– Это нам? – спросил Корней.

– Вам, – ответил всадник. – И грамота от Перуна.

Всадник сел на коня, уехал.

14

Солнце стояло высоко, заливая избу жёлтым, медовым светом. За окном стрекотали кузнечики, где-то в лесу куковала кукушка, и даже лягушка в сенях, казалось, квакала веселее обычного.

Корней сидел за столом, перебирал свитки, что-то писал, иногда поглядывал на Малашу. Та искала корзину.

– Корней, пойдём в лес! – весело сказала Малаша. – Грибов насобираем, ягод, воздухом подышим! А то ты всё за свитками сидишь, как сыч!

– Не могу. Мне нужно закончить отчёт. Воевода ждёт. Приказ ждёт. Перун... – Корней даже не поднял головы.

– Отчёт твой никуда не денется! – перебила Малаша. – А грибы очень даже могут! Пойдём, книжник! Велес говорил, за Смородиновым мостом грибные места!

– Мне нужно закончить...

– Ты всегда говоришь «нужно», – сказала Малаша. – А когда будет время для «хочется»?

Корней поднял голову, посмотрел на неё. Малаша стояла у печи, уперев руки в боки.

– Хочется? – переспросил он. – Мне хочется, чтобы отчёт был готов. Чтобы жалование дали. Чтобы...

– Чтобы что? – спросила Малаша.

– Чтобы ты не взрывала избу каждую неделю, – выпалил Корней и тут же пожалел.

Малаша вспыхнула и отвернулась. Но слово не воробей – вылетело, не поймаешь. Велес на печи кашлянул.

– Сходили бы вы в лес, – сказал он. – Помирились. А то в избе душно от ваших ссор.

Корней вздохнул, отложил перо, надел очки.

– Ладно, – сказал он. – Но только до вечера.

Малаша шла впереди, легко, быстро, то и дело наклонялась, срывала листок, цветок, ягодку. Корней плёлся сзади, тяжело дышал, спотыкался о корни, терял очки.

– Ты бы чаще в лес ходил, книжник! – сказала Малаша. – А то засиделся в своей библиотеке, ноги совсем не держат!

– В библиотеке... ноги... не нужны. Нужны... знания, - ответил запыхавшийся Корней.

– А в лесу очень ноги нужны! – засмеялась Малаша. – И руки! И голова! Гляди, какой гриб!

Она показала на подберёзовик – крупный, крепкий, стоявший под старой берёзой. Корней подошёл, присел, внимательно осмотрел.

– Надо проверить что это за гриб? – пробормотал он.

– Не надо проверять! – перебила Малаша. – Это подберёзовик! Ешь, и всё!

Она срезала гриб, бросила в корзину. Корней вздохнул, поправил очки, пошёл дальше.

Чем дальше они шли, тем чаще Корней спотыкался, тем громче вздыхала Малаша. Дорога становилась уже, лес – гуще, и вскоре они вышли к Смородиновому мосту. Мост был старый, деревянный, через реку, что звалась Смородиной. Быстрая, мутная, с крутыми берегами. А на той стороне, говорили, леса дремучие, непроходимые, и нечисть там водится.

– Вот он, мост, – сказала Малаша. – Велес говорил, за ним – грибные места. Пойдём?

– Пойдём, – ответил Корней. – Но осторожно только. Мост старый.

Они ступили на мост. Доски скрипели, перила шатались, но держались. Малаша шла впереди, Корней – за ней.

– Корней, – спросила Малаша, не оборачиваясь, – а ты когда-нибудь хвалил меня? Ну, хоть раз?

– Хвалил, – ответил Корней. – За репы. За невидимость.

– А за зелья? – спросила Малаша. – За мои зелья?

– Зелья взрываются, – ответил Корней.

– Не всегда! – возразила Малаша. – Вот, например, новое зелье сварила! «Утренняя роса» называется! Хочешь, покажу?

– Покажешь дома, – ответил Корней. – А то опять взорвётся.

– Не взорвётся! – сказала Малаша. – Я его на лягушке проверила! Она теперь поёт!

– Лягушка поёт? – переспросил он, спотыкаясь.

– Ну да, – ответила Малаша. – Квакает красиво. В ритме. Ты бы послушал.

На середине моста Корней остановился, повернулся к Малаше.

– Малаша, – сказал он, – я ценю твои усилия. Но зелья твои – это очень опасно. Ты сама видела: каша взлетела, щи взорвались, дьяк в портал из-за них улетел...

– А репы? – перебила Малаша. – А невидимость? Тоже зелья!

– Случайно! – сказал Корней. – Всё, что ты делаешь, – случайно!

Малаша вспыхнула.

– А ты? – сказала она. – Только и умеешь, что замораживать! И отчёты писать! И занудствовать!

– Я – учёный! – ответил Корней. – Моя работа – анализировать! А ты... ты...

– Что я? – спросила Малаша. – Говори!

– Ты – взрывоопасная! – выпалил Корней. – И зелья твои – взрывоопасные! И я устал это терпеть!

Малаша стиснула кулаки. На кончиках пальцев заискрилось.

– Ах, терпеть? – сказала она. – Ну, тогда держись!

Она взмахнула рукой, и сноп искр полетел в Корнея. Тот еле успел отшатнуться, выставив руки.

– Да замёрзнет всё! – прошептал он. – Да остановится! Да...

Вместо того чтобы погасить искры, заклинание ударило в перила. Мост покрылся инеем, доски заскрипели, затрещали. Они стояли друг против друга. Растрёпанные, злые, готовые к новой атаке.

– Ты! – закричала Малаша. – Ты вечно всё замораживаешь!

– А ты вечно всё взрываешь! – ответил Корней.

– Я не взрываю! – сказала Малаша. – Я помогаю!

– Помогаешь? – усмехнулся Корней. – Ты только и умеешь, что...

– Что? – перебила Малаша. – Что я умею? Говори!

– Взрывать! – крикнул Корней. – Портить! Мешать!

Малаша, не сдержавшись, метнула в него сноп искр. Корней, не думая, ответил заклинанием холода. Искры и иней встретились на середине моста, столкнулись, закружились, и соединились. Вместо того чтобы погасить друг друга, они сплелись в тугой, сверкающий жгут, который, словно живой, метнулся в сторону – прямо под опоры моста.

– Ой! – воскликнула Малаша.

– Ой! – крикнул Корней.

Мост заскрипел, затрещал, накренился. Доски полетели с треском полетели в воду. Старая переправа обрушилась в Смородину.

Корнея с Малашей чудом отбросила на берег, с которого они пришли. Они стояли друг против друга, залитые водой, грязью, с пустыми корзинами.

– Что мы наделали? – спросила Малаша.

– Мост разрушили... – ответил Корней.

Они смотрели на обломки, которые несло по течению, и не знали, что сказать.

– А зачем? – спросила Малаша. – Мы же просто... ссорились.

– Ссорились, – согласился Корней. – А получилось вот что.

Они помолчали. И тут с той стороны реки, из лесу, послышался шум. Топот, лязг, голоса. Много голосов.

Из леса вышли разбойники. Человек тридцать, не меньше. С дубинами, с ножами, с топорами. Впереди – десятник, здоровенный, в медвежьей шкуре, с лицом, изрезанном шрамами.

– Ну, ребята! – закричал десятник. – Ещё переход – и мы у Кощея! Там и пиры, и девки, и грабёж! Поднажмите!

Разбойники прибавили шагу, вышли на опушку, и увидели плавающие обломки моста.

– Десятник! – закричал один разбойник. – Моста нет!

– Как нет? – удивился десятник. – Был же! Кто сломал?

– Может, само сломалось? – предположил другой. – Старый он был...

– Само? – усмехнулся десятник. – А мы как теперь перейдём?

Он подошёл к берегу, посмотрел на обломки. И тут из-за поворота реки показались мокрые Корней и Малаша.

– Это вы? – спросил десятник. – Вы мост сломали?

– Мы нечаянно... – ответил Корней.

– Мы ссорились! – сказала Малаша. – А он... а я...

– Ссорились? – переспросил десятник. – Из-за чего?

Корней и Малаша переглянулись и покраснели.

– Из-за зелья... – сказал Корней.

– Из-за похвалы... – сказала Малаша.

– Ссорились! – взревел десятник. –А нам как переходить? Спасибо, спасители!

Потом повернулся к разбойникам и махнул рукой.

– Назад, ребята! – сказал он. – В обход! Три дня пути! А этим – спасибо!

Разбойники скрылись в лесу. Корней и Малаша остались стоять на берегу, глядя друг на друга.

– Корней, – сказала Малаша, – прости меня. За зелье. За ссору. За всё.

– И ты прости, – ответил Корней. – За занудство. За то, что не умею хвалить.

– Ничего, – сказала Малаша, улыбнувшись. – Научу.

Она взяла его за руку, и они пошли по лесу – к дому, к тёплой печи, к Велесу. Тот встретил их на крыльце, покачал головой.

– Ну, молодцы, – сказал он. – Мост сломали, разбойников разогнали, сами живы остались. А говорили – не умеете.

– Вы уже знаете? – спросил Корней.

– Я – бог, – ответил Велес. – Боги всё знают. Иногда.

Он увёл их в избу, поставил чайник, зажёг печь.

– Грейся, книжник, – сказал он. – А ты, Малаша, пироги разогрей. Вечером воевода зайдёт – благодарить. Слышал уже про мост.

Корней и Малаша переглянулись.

– Откуда? – спросил Корней.

– Лес шепчет, – ответил Велес. – А река – тем более. У неё уши везде.

Вечером, когда они сидели за столом, пили чай с мёдом, ели пироги, Корней вдруг встал, вышел в сени. Вернулся – с букетом цветов. Полевых, простых, только что сорванных.

– Это тебе, Малаша, – сказал Корней, краснея. – За зелье. За репы. За невидимость. За всё.

Малаша тоже покраснела.

– Корней... – сказала она. – Ты что?

– Я хочу сказать, что... – Корней запнулся. – Что ты молодец. Что зелья твои – хорошие. Даже когда взрываются. И я тебя ценю.

Малаша взяла цветы, прижала к груди, улыбнулась.

– Спасибо, книжник, – сказала она. – Ты тоже молодец. Даже когда замораживаешь.

– О, прогресс! – довольно изрёк Велес. – Цветы! Признания! А говорили – не умеете. Умеете, когда надо.

В дверь постучали. Воевода пришёл.

– Спасибо, спасители! – сказал он. – Опять село спасли! Кощееву подкреплению не дали пройти! Ай да молодцы!

– Так мы же случайно! – сказала Малаша.

– Случайно? – переспросил воевода. – Вам, видать, и случайности на пользу.

Он оставил бочонок мёду, корзину пирогов и ушёл.

И вдруг за окном послышался топот. Всадники остановились у крыльца. Человек на белом коне спрыгнул, подошёл к двери, постучал. Три раза. Громко, требовательно.

– Открывайте! – раздался властный голос. – По указу государеву!

Корней открыл дверь. На пороге стоял молодой статный гонец. В руках он держал берестяную грамоту с огромной сургучной печатью.

– Корней Шелест и Меланья Искра? – спросил гонец.

– Да... – ответил Корней.

– Земский собор, – сказал гонец. –Завтра. На рассвете. Явка обязательна. Неявка карается лишением жалованья и другими последствиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.